

Манивоица

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КЭТИ АНДРЕС

18+

Кэти Андрес

Танцовщица

<https://litres.ru/74328447>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять миллионов рублей. Фиктивный брак. И полный запрет на чувства.

Дамиру Тагирову не нужна жена — ему нужна актриса, способная сыграть роль перед его врагами. Красивая, молчаливая и купленная с потрохами. Идеальный вариант находится в закрытом клубе. Индиго. Девушка-загадка, танцующая на пилоне в маске. У Киры нет выбора: эти деньги — цена её жизни и здоровья. Она подписывает контракт, продавая свою свободу циничному магнату.

Он считает её вещью. Она считает его чудовищем. Их дом — поле боя, их поцелуи — игра на камеру. Но всё летит к чертям, когда Дамир начинает замечать: под маской продажной танцовщицы скрывается единственная женщина, способная поставить его на колени.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	56
Глава 7	62
Глава 8	72
Глава 9	84
Глава 10	95
Глава 11	106
Глава 12	120
Глава 13	129
Глава 14	137
Глава 15	149
Глава 16	157
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Кэти Андрес

Танцовщица

Глава 1

Дамир

Тяжелые басы били в солнечное сплетение, заставляя кубики льда в моем стакане мелко вибрировать. Воздух в «Империи» был густым, плотным, пропитанным приторными женскими духами, кальянным дымом и запахом шальных денег. Здесь было слишком громко, слишком ярко и слишком фальшиво.

Я поморщился, ослабляя узел галстука, который к концу дня казался удавкой.

— Дамир, выключи ты уже лицо генерального директора, — Ильдар перекикивал музыку, толкая меня плечом. — Мы закрыли квартал с плюсом. С плюсом! Несмотря на то, что твоя «любящая семья» пытается нас утопить уже третий месяц. Выдохни.

— Я выдохну, когда акции «Алмаз-Холдинга» просядут хотя бы на десять пунктов, — ответил я, делая глоток виски. — Ты видел сегодняшний отчет? Они снова пытались перебить наш контракт с логистами.

Ильдар закатил глаза, откидываясь на спинку кожаного

дивана.

— Видел. И что? Мы предложили софт лучше. Карим может сколько угодно швыряться папиными деньгами и демпинговать, но у него нет продукта. У нас — есть.

При упоминании имени брата у меня невольно сжались челюсти.

Карим. Мой брат-двойняшка.

Люди вечно путают. Слышат «близнецы» и ждут две одинаковые капли воды. Но мы с Каримом разные, как огонь и болотная жижа. Мы родились в один день, но на этом сходство заканчивается. Он — «золотой мальчик», удобный, улыбочивый, вечно ищущий одобрения отца, с мягкими чертами лица и душой нараспашку. Я — тот, кто всегда был «слишком сложным». Тот, кто ушел из семейной империи, хлопнув дверью, чтобы построить свой IT-бизнес.

Я думал, что доказал свою независимость. Но ровно три месяца назад Карим забрал все.

Место преемника. Контрольный пакет акций. И Регину.

Девяносто два дня назад мой брат женился на моей невесте.

Я смотрел на жидкость в стакане, вспоминая тупую, ноющую ярость того дня. Регина... Красивая обертка с гнилой начинкой. Сейчас я даже не злюсь на нее. Я злюсь на себя, что не просчитал этот риск, как бизнес-погрешность. Дед оставил завещание с идиотским, старомодным условием: кресло главы холдинга получает тот из внуков, кто пер-

вым остепенится, женится и создаст «благонадежную ячейку общества».

Карим подсуелится быстрее. Теперь он играет в большого босса, пытаясь задавить мою компанию административным ресурсом, просто чтобы потешить свое эго.

Честно говоря, я ни когда не думал о семейном бизнесе, мне было это не интересно. Строительная империя Тагировых – громко и пафосно. Не для меня.

— Забудь о них на пару часов, — Ильдар наполнил наши стаканы. — Смотри лучше на сцену. Сейчас будет выход «гвоздя программы». Админ клялся, что она здесь новенькая, но танцует так, что забываешь, как тебя зовут.

— Очередная «королева шеста» с дипломом психолога? — скептически хмыкнул я.

— Говорят, что-то особенное. Зовут Индиго.

Свет в зале резко погас. Музыка сменилась — вместо долбящего техно зазвучал тягучий, гипнотический ритм с тяжелыми гитарными риффами. Луч прожектора ударил в центр подиума, выхватывая из темноты фигуру.

Я лениво поднял глаза, ожидая увидеть стандартный набор: тонна автозагара, блески и заискивающая улыбка.

Но когда она вышла, я невольно выпрямился.

На ней был черный латексный корсет, сидящий как вторая кожа, высокие ботфорты и маска, скрывающая верхнюю часть лица. Но больше всего внимание привлекали волосы. Идеально ровное, глянцевое черное каре с челкой, острой,

как лезвие ножа.

Она не вышла, она выплыла. Никакой суеты. Никаких лишних дерганий бедрами ради дешевого внимания. Она подошла к пилону уверенно, с легкой небрежностью, будто делала огромное одолжение всем присутствующим, просто находясь в одном помещении с ними.

Она обхватила шест, резко подтянулась и перевернулась вниз головой, замирая в шпагате. Зал одобрительно загудел.

— Ух, ты посмотри на эту брюнетку, — присвистнул Ильдар, подаваясь вперед. — Жгучая штучка. Люблю такой типаж, кровь с молоком. И волосы — шик.

— Это парик, Ильдар, — сухо заметил я, не сводя с нее глаз.

— Да ладно? Выглядит как родные.

— Слишком идеальный блеск под софитами и неестественная линия роста. Это качественная синтетика.

Я продолжал наблюдать, анализируя ее движения. Она работала профессионально. В каждом повороте, в каждом прогибе чувствовалась сила и отточенная техника. Но что зацепило меня больше всего — это не тело, хотя оно было объективно великолепным. Бледная кожа светилась в неоне, создавая резкий контраст с черным латексом.

Меня зацепило ее отношение.

Она не пыталась продать себя. Она играла роль. Она была закрыта, недоступна и холодна.

Какой-то пьяный идиот у самого края сцены, размахивая

купюрой, потянулся к ней. Его рука скользнула к ее ботфорту, явно намереваясь пойти выше. Охрана замешкалась. Я ожидал, что девчонка испугается, отшатнется или, наоборот, начнет фальшиво улыбаться, чтобы забрать деньги.

Вместо этого она, не прекращая вращения, ловко ушла от касания. Затем, зависнув на пилоне на одной руке, она наклонилась к мужику. Тот расплылся в пьяной улыбке, ожидая поцелуя или приватного танца.

А она резко, с насмешливой ухмылкой на ярко-красных губах, щелкнула его по носу.

Мужик опешил, схватившись за нос, а она, изящно оттолкнувшись, взлетела под потолок.

Зал взорвался хохотом и аплодисментами.

— А у девочки есть зубы, — усмехнулся Ильдар.

Да. У нее были зубы. Харизма. За этой маской и дурацким париком скрывалась не просто стриптизерша, а язва с характером. Умная, дерзкая, умеющая держать дистанцию.

Я смотрел, как она двигается, и в моей голове, привыкшей просчитывать алгоритмы и бизнес-стратегии, вдруг с пугающей ясностью сложился пазл.

Мне нужна жена. Срочно. Чтобы утереть нос отцу, чтобы сместить Карима, чтобы выполнить условия проклятого завещания.

Но мне не нужна настоящая жена. Мне не нужны эти сопли, чувства, истерики и риск очередного предательства. Мне не нужна еще одна Регина, которая вонзит нож в спину при

первой возможности.

Мне нужна актриса.

Кто-то, кто умеет носить маски. Кто-то, кто за деньги сыг-
рает любую роль — хоть скромную девственницу, хоть свет-
скую львицу, хоть любящую супругу.

Эта девочка на сцене умеет держать лицо. У нее есть
внешность, есть характер, и, судя по тому, что она крутит-
ся на шесте перед кучей пьяных мужиков, ей отчаянно, жиз-
ненно необходимы деньги.

Это не романтика. Это идеальная сделка. Взаимовыгод-
ный обмен ресурсами.

Она закончила выступление, соскользнув вниз. Никаких
поклонов. Она прошлась по сцене, собирая купюры с вы-
ражением легкой брезгливости на лице, словно поднимала
грязные фантики, а не деньги.

— Куда ты? — удивился Ильдар, увидев, что я достаю бу-
мажник.

— Инвестировать в будущее компании, — вытащил чер-
ную карту и бросил ее на стол, привлекая внимание офи-
цианта. — Позови администратора. Я покупаю этой девочке
приват. Прямо сейчас.

Ильдар поперхнулся коктейлем:

— Дамир, ты же сказал, что это трата времени?

— Я передумал.

— Брат она конечно горячая, но ты обычно...

Я встал, поправляя пиджак и застегивая пуговицу. Мой

взгляд был прикован к кулисам, где только что скрылась черное каре.

— Хочу на ней жениться.

Ильдар медленно опустил стакан на стол. Лед звякнул, нарушив повисшую между нами паузу, которая казалась громче клубных битов. Он посмотрел на меня так, словно у меня внезапно выросла вторая голова.

— Ты пьян? — наконец выдавил он, вглядываясь в мои зрачки. — Скажи мне, что ты пьян, Дамир. Или что это такая хреновая шутка.

— Я абсолютно трезв, — спокойно ответил я, проверяя время на часах. — И я не шучу.

— Брат, ты сейчас серьезно говоришь, что хочешь притащить в дом Тагировых... — он понизил голос и опасливо оглянулся, — стриптизершу? Твой отец тебя не просто убьет, он тебя сначала расчленил, а потом лишит наследства еще раз, посмертно. А мама? У нее давление скакнет до стратосферы!

— Отлично, — кивнул я. — Инфаркт отца — это, конечно, бонус, но цель не в этом.

— Дамир, ты головой ударился? — Ильдар подался вперед, хватая меня за рукав, когда я попытался шагнуть в сторону прохода. — Какая свадьба? Ты ее видишь первый раз в жизни! Она крутит задницей за деньги!

Я остановился, глядя на друга сверху вниз. На его лице читался неподдельный ужас пополам с недоумением.

Криво усмехнулся, глядя в сторону сцены, где еще недавно крутилась черная глянцева́я челка.

— Заводит, правда? — бросил я, наблюдая, как челюсть Ильдара медленно ползет вниз.

— Ты... Ты сейчас серьезно?

Я не стал отвечать. Просто хлопнул его по плечу и кивнул на подошедшего администратора, который уже замер в поклоне, почуяв запах больших чаевых.

— Договорись о привате.

Глава 2

Кира

Едва занавес скрыл меня от жадных глаз и липкого света софитов, я выдохнула. Плечи, которые я держала расправленными, как у гордой пантеры, тут же опали.

Черт, как же я ненавижу эти сапоги. И этот корсет. И этот запах дешевого освежителя воздуха «Морской бриз», которым здесь пытаются заглушить запах перегара.

Я шла по коридору к гримерке, на ходу отлепляя от влажной кожи латекс. В голове пульсировала одна мысль: проверить сахар. Руки слегка подрагивали — то ли от адреналина после трюков на высоте трех метров, то ли глюкоза снова решила сыграть со мной в русскую рулетку.

— Индиго! Притормози!

Я закатила глаза, даже не оборачиваясь. Голос Артура, нашего администратора, вызывал у меня стойкое желание спрятаться в шкаф. Или ударить его чем-нибудь тяжелым. Желательно, кассовым аппаратом.

Он догнал меня у самой двери, преграждая путь своим блестящим пиджаком.

— Ты сегодня в ударе, детка, — он расплылся в улыбке, от которой у меня свело скулы. — Зал просто кипятком писает.

— Артур, если ты пришел сказать мне, какая я молодец, то переведи это в денежный эквивалент и кинь мне на карту.

А сейчас дай пройти, я хочу снять с себя этот скафандр.

Я попыталась обойти его, но он шагнул в сторону, снова блокируя дверь.

— Есть разговор. Клиент из VIP-зоны. Хочет приват.

Я резко остановилась и посмотрела на него как на умалишенного.

— Ты новенький, что ли? Или у тебя память как у аквариумной рыбки? — я скрестила руки на груди. — Пункт 4 моего договора: никаких приватов. Только сцена. Я не трюсь о пьяных мужиков в темных комнатах, Артур.

— Да погоди ты бычить! — он махнул рукой. — Там серьезный дядя. Не пьяный, при деньгах. Выглядит как с обложки Forbes. Он не лапать тебя хочет, а... ну, поговорить, посмотреть поближе.

— Поговорить? — фыркнула я. — Пусть идет к психотерапевту. Или позвонит в службу поддержки. Я танцовщица, а не «свободные уши».

— Индиго, не тупи. Он платит любые деньги.

Я уже взялась за ручку двери, но эта фраза заставила меня замереть.

Медленно повернулась к нему.

— Любые?

Артур активно закивал, видя, что рыбка клюнула.

— Сказал: «Цена не имеет значения».

Я прищурилась, сканируя его потное лицо на предмет лжи. В моей голове тут же щелкнул калькулятор.

Любые деньги.

Упаковка инсулина сверхбыстрого действия — пять тысяч. Сенсоры для мониторинга — еще десятка в месяц. Тест-полоски, иголки... А еще оплата за семестр, которую нужно внести через две недели, иначе меня вышвырнут из универа, и плакала моя карьера дизайнера.

Моя гордость боролась с моим инстинктом самосохранения ровно три секунды.

Если мужик такой богатый идиот, что готов бросаться словами «любые деньги», грех его не проучить. Я назову такую сумму, что у него глаза на лоб полезут, он пошлет меня к черту, и я с чистой совестью пойду домой спать.

— Окей, — я хищно улыбнулась, хотя внутри все сжалось от напряжения. — Сто тысяч.

У Артура отвисла челюсть. Он вылупился на меня так, будто я только что призналась в убийстве Кеннеди.

— Ты... Ты нормальная? — просипел он. — Сто кусков за двадцать минут танца? Ты себя с Бейонсе перепутала?

— Сто тысяч рублей, Артур. Наличными или переводом прямо сейчас. Это цена за то, что я вообще перешагну порог приват-комнаты.

— Он тебя пошлет, — уверенно заявил админ.

— Вот и отлично, — я пожала плечами, изображая полное безразличие. — Сто тысяч или пусть идет лесом.

Артур покрутил пальцем у виска, что-то пробурчал про «завездившихся стерв» и поплелся обратно в зал.

Я хмыкнула и зашла в примерку.

Боже, какое облегчение. Щелкнул замок, отрезая меня от внешнего мира. Я подошла к зеркалу. Из отражения на меня смотрела роковая женщина-вамп: черное каре, кроваво-красные губы, хищный взгляд.

Чучело. Просто размалеванное чучело.

— Ну все, Индиго, отработала, — прошептала я своему отражению. — Сейчас этот богатеи поржет над ценой, закажет себе виски и успокоится. А мы поедем домой, съедем бутерброд и будем зубрить историю искусств.

Я потянулась к вискам, нащупывая клипсы, удерживающие парик. Одно движение — и идеально гладкое черное каре соскользнуло с головы, открывая мои родные, растрепанные русые волосы, собранные в тугий пучок.

Тряхнула головой, чувствуя, как кожа начинает дышать. Смыла яркую помаду, оставив губы бледными. Достала глюкометр. 5.2. Отлично. Жить будем.

Я уже расстегивала корсет, предвкушая момент, когда надену свою любимую растянутую толстовку, как дверь запахнулась с таким грохотом, что я чуть не выронила парик.

На пороге стоял Артур. Вид у него был такой, словно он только что увидел привидение. Или налогового инспектора.

— Чего тебе? — рывкнула я, прижимая парик к груди, как щит. — Сказала же, пусть идет лесом...

— Он согласен, — выдохнул Артур.

Я моргнула. Раз. Два.

— Чего?

— Он согласен, дура! — Артур почти визжал от возбуждения. — Сказал «без проблем».

Внутри все оборвалось.

Сто тысяч. Он согласился на сто тысяч за приват? Он что, псих? Маньяк? Или ему просто деньги карманы жгут?

— Ты врешь, — прошептала, чувствуя, как холодок бежит по спине.

— Да чтоб я сдох! — Артур подскочил ко мне. — Собирайся! Бегом! Он ждет! Деньги отдаст тебе лично в руки, перед танцем. Мое условие, не благодари.

— Но я... — растерянно посмотрела на парик в своих руках, потом на свое отражение в зеркале — бледная мышь с пучком на голове и размазанной помадой.

— Какое «но»?! — заорал Артур, выталкивая меня в реальность. — Сто штук, Кира! Тьфу ты, Индиго! Надевай скальп обратно и дуй в первую комнату! Бегом!

Судорожно натянула парик, даже не успев толком поправить свои волосы под ним. Руки дрожали уже не от гипогликемии, а от паники.

Я назвала цену, чтобы он отказался. Я не планировала туда идти.

Но сто тысяч... Это инсулин. Это учеба. Это свобода на пару месяцев.

Глубоко вздохнула, натягивая маску безразличия вместе с кружевной маской на глаза.

— Ладно, — сказала своему отражению, которое снова стало чужим. — Пойдем посмотрим на этого сумасшедшего.

Через минуту я уже стояла перед дверью с золотой цифрой «1». Сердце колотилось где-то в горле.

Комната была погружена в полумрак. Единственный источник света — красный неон где-то под потолком — делал атмосферу похожей на сцену из триллера. Или на вход в преисподнюю.

Мужчина сидел в глубоком кресле, закинув ногу на ногу. Он не выглядел как типичный посетитель этого заведения. Никакого расстегнутого ворота рубашки, никаких сальных взглядов, никакого потного волнения. Он сидел так, словно находился в своем кабинете на совете директоров, а не в стрип-клубе. Дорогой костюм, идеально выглаженная рубашка, на запястье часы, которые, вероятно, стоили больше, чем вся моя жизнь.

Я закрыла за собой дверь, стараясь, чтобы щелчок замка не прозвучал как выстрел.

Он даже не пошевелился. Просто смотрел на меня. Спокойно. Оценивающе.

— Я так понимаю, вы тот самый человек, которому некуда девать деньги? — начала я, решив, что лучшая защита — это нападение. Мой голос звучал ровно, хотя коленки предательски дрожали.

— А я так понимаю, вы та самая девушка, которая оцени-

вает свое время выше рыночной стоимости.

Голос у него был низкий, с легкой хрипотцой. И очень уверенный. Слишком уверенный для человека, который только что отвалил сто штук за «посмотреть».

Он встал.

Мама дорогая, он высокий. Я, даже на своих пятнадцатисантиметровых каблуках, едва доставала ему до подбородка. Темные волосы, жесткие черты лица, волевой подбородок. Красивый. В такой холодной, опасной манере, от которой хочется бежать и одновременно подойти поближе.

— У вас двадцать минут, — сказала я, подходя к пилону в центре комнаты. — Музыка, танец, и я ухожу. Руками не трогать.

Потянулась к кнопке, чтобы включить музыку, но его голос остановил меня:

— Оставь музыку. Танцевать не нужно.

Я замерла, так и не коснувшись панели. Медленно повернулась к нему.

— Простите?

— Я сказал, танцевать не нужно, — повторил он, делая шаг ко мне. — Я заплатил не за стриптиз.

Внутри все похолодело. В голове сразу всплыли самые жуткие истории, которые рассказывали девочки в раздевалке. Маньяки. Извращенцы. Те, кому мало просто посмотреть.

— Послушайте, — я отступила на шаг назад, упираясь

спиной в холодный металл шеста. — Если вы думаете, что за эти деньги купили что-то большее, чем танец, то вы ошиблись дверью. Я не оказываю интим-услуг. И если вы попробуете...

Он усмехнулся. Коротко, без веселья.

— Расслабься, Индиго. Или как там тебя зовут на самом деле? Мне не нужен секс. И твое тело мне тоже не нужно. По крайней мере, не в том смысле, о котором ты подумала.

— А в каком? — я сузила глаза, пытаюсь понять, что за игру он ведет. — Вам нужна моя почка?

Он снова усмехнулся, на этот раз чуть теплее.

— Мне нужна жена.

В комнате повисла тишина. Такая плотная, что ее можно было резать ножом.

Я моргнула. Потом еще раз.

— Кто?

— Жена, — повторил он так буднично, словно просил передать соль за обедом. — Фиктивная. На год.

Я истерически хохотнула. Нервы сдали окончательно.

— Ага. Поняла. Скрытая камера, да? — я начала оглядываться по сторонам, ища объектив. — Где они? Это пранк? "Сними стриптизершу"? Ребят, выходите, шутка удалась.

— Нет никаких камер, — он подошел ближе, вторгаясь в мое личное пространство. От него пахло дорогим парфюмом, табаком и виски. — Я абсолютно серьезен.

— Вы псих, — констатировала я, отлепляясь от шеста. —

Забирайте свои деньги, я уйду.

Я двинулась к двери, но он преградил мне путь. Не агрессивно, просто встал так, что пройти было невозможно.

— Пять миллионов.

Я замерла, взявшись за ручку двери.

— Что?

— Пять миллионов рублей. Это твой гонорар за год. Плюс полное содержание: жилье, одежда, еда, машина с водителем, все что захочешь.

Я медленно повернулась. Сердце колотилось где-то в горле, отдавая ударами в виски.

Пять миллионов.

Это... Это бесконечный запас инсулина. Это помпа последнего поколения. Это диплом дизайнера без необходимости работать по ночам. Это квартира. Это жизнь. Нормальная, черт возьми, жизнь.

— Ты... Вы... — я запнулась, чувствуя, как пересыхает во рту. — Вы сейчас издеваетесь?

— Я похож на человека, который тратит время на шутки в таком месте? — он сунул руки в карманы брюк, глядя на меня сверху вниз. — Меня зовут Дамир Тагиров. Можешь погуглить, если не веришь. Мне нужна жена для решения семейных вопросов. Официальный брак, штамп в паспорте. Через год — развод. Никакого интима. Мы живем в разных комнатах. Ты просто играешь роль.

— Почему я? У вас, наверное, очередь из моделей стоит.

Зачем вам... я? Танцовщица?

Он прошелся по мне взглядом — от кончиков ботфортов до черного парика.

— Потому что ты актриса, Индиго. Я видел, как ты поставила на место того мужика. У тебя есть зубы. И, судя по тому, что ты здесь, тебе нужны деньги. Очень нужны. Модели — это скучно. Они хотят замуж по-настоящему. А ты... Ты деловая. С тобой можно договориться.

Он замолчал, ожидая, что я сейчас упаду к его ногам и начну целовать ботинки из крокодиловой кожи.

Я посмотрела на него. Потом на дверь. Потом снова на него. И рассмеялась. Громко, искренне, до коликов в животе. Нервное напряжение выходило наружу самым дурацким образом.

— О, вау, — я вытерла пальцем выступившую слезу, стараясь не размазать тушь. — Это было сильно. «Красотка» с Джулией Робертс отдыхает. Вы, наверное, долго репетировали перед зеркалом? Особенно этот момент про «у тебя есть зубы». Звучит как комплимент от стоматолога, честное слово.

Я отступила на шаг назад, демонстративно скрестив руки на груди.

— Послушайте, господин Тагуров. Или как вас там... Император Галактики? Ваше предложение звучит очень заманчиво. Пять миллионов, личный водитель, золотая клетка... Прямо мечта любой девочки из провинции. Но есть один ма-

ленький нюанс.

Я сделала паузу, наслаждаясь тем, как его спокойное лицо чуть напряглось.

— Я не продаюсь. Я сдаю в аренду образ. А вы хотите купить мою жизнь, свободу и нервную систему на целый год. Извините, но в моем прејскуранте нет услуги «карманная жена для решения проблем с родственниками».

— Во первых Тагиров, в во вторых... Ты отказываешься от пяти миллионов? — он приподнял бровь, словно увидел говорящего хомячка. — Из-за гордости?

— Из-за инстинкта самосохранения, — фыркнула я. — Знаете, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. А сыр за пять миллионов — это уже не мышеловка, это гильотина. Я не знаю, что у вас там за семейка Адамс, но если вам нужна наемная актриса, чтобы выжить на семейном ужине, значит, там все очень плохо. А я, знаете ли, люблю свои почки и печень. Они мне дороги как память.

Я улыбнулась. Хотя где-то в глубине души маленький голосок вопил: «Дура! Это же квартира! Это инсулин!». Но я заткнула его. Я не вещь.

— Так что ищите другую дурочку. В городе полно модельных агентств. Там вам подберут кого-нибудь без «зубов», зато с отличной родословной и отсутствием лишних вопросов. Адъос!

— Кира.

Он не повысил голос, но я замерла. Откуда он... Ах да,

Артур. Болтливая крыса.

Я не обернулась.

Услышала шорох за спиной, а через секунду его рука, в дорогом пиджаке, появилась в поле моего зрения. Он не коснулся меня. Просто вставил что-то между дверью и косяком, прямо перед моим носом.

Это была визитка и... деньги. Черная, матовая, с золотым тиснением. Никаких вензелей, только имя и номер. Лако-нично и дорого. Как и он сам.

— Ты умная девочка, — сказал он мне в затылок. Его го-лос был спокойным, без тени обиды за мой отказ. — Но эмо-ции мешают тебе считать. Гордость не оплатит счета, Инди-го. И она не согреет тебя, когда ты останешься одна.

Я молчала, глядя на черный прямоугольник картона.

— У тебя три дня, — произнес он. — Ровно три дня, пока я не найду другой вариант. Если передумаешь и решишь, что пять миллионов лучше, чем гордое нищесбродство — позво-ни.

Он убрал руку.

— А теперь иди. Время вышло.

Я забрала визитку и деньги, сунула в корсет и, распахнув дверь, вылетела в коридор.

Сердце колотилось как бешеное.

Я ввалилась в примерку, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной, сползая вниз. Сердце колотилось так, что отда-вало в ушах.

Дрожащими пальцами я полезла за корсет. Пластик визитки царапнул кожу, но меня интересовало не это. Я вытащила пачку купюр.

Они были теплыми от моего тела. Пятитысячные. Хрустящие, новенькие, словно только что из банкомата.

— Раз, два, три... — шептала я, пересчитывая их трясущимися руками.

Десять. Пятнадцать. Двадцать.

Ровно сто тысяч.

Я уставилась на деньги, не веря своим глазам. Он не обманул. Он реально дал сто штук просто за то, что я зашла в комнату и послушала его бред про фиктивный брак.

Сто тысяч.

Господи, я смогу купить сенсоры сразу на полгода. Я смогу оплатить долг за комнату, пока хозяйка не выставила меня на улицу. Я смогу...

Внутри разлилось теплое чувство облегчения. Впервые за последние месяцы я могла выдохнуть. Я поцеловала купюры, чувствуя вкус типографской краску и свободы.

Дверь распахнулась без стука, ударив меня по плечу.

Я вскрикнула, вскакивая на ноги и инстинктивно пряча деньги за спину.

На пороге стоял Артур. Его глаза алчно блестели, сканируя меня с ног до головы. Он точно знал, что я только что делала.

— Ну? — он протянул руку, лениво жуя жвачку. — По-

казывай улов, Золушка.

— Это мои деньги, — я отступила назад, упираясь бедрами в гримерный столик. — Он дал их мне лично. За приват.

— За приват, который я тебе организовал, — Артур шагнул ко мне, мгновенно теряя маску добродушного админа. Теперь это был просто жадный ублюдок. — Ты забыла правила клуба, Кира? Все расчеты через кассу. Или ты решила, что можешь крысятничать за моей спиной?

— Я не крысятничаю! По правилам вы забираете пятьдесят процентов от привата. Пятьдесят, Артур! А не все!

— Это для тех, кто работает по правилам, — он сделал резкий выпад и схватил меня за запястье.

Я дернулась, пытаюсь вырваться, но он сжал руку так, что я охнула от боли. Пальцы разжались, и пачка купюр упала на грязный пол.

Артур тут же отпустил меня и наклонился, сгребая деньги.

— Так, посмотрим... — он быстро, профессионально пересчитал купюры. — Сотка. Неплохо для пяти минут позора.

Он отсчитал две оранжевые бумажки и небрежно бросил их на столик передо мной. Остальную пачку сунул во внутренний карман пиджака.

Я смотрела на две купюры. Десять тысяч рублей.

— Ты что делаешь? — мой голос сорвался на шепот. — Это грабеж.

— Комиссия клуба — пятьдесят процентов, — начал за-

гибать пальцы Артур с наглой ухмылкой. — Штраф за нарушение субординации. Штраф за то, что ты хамила клиенту — не думай, что я не слышал, как ты хлопнула дверью. И мои личные... чаевые за то, что я прикрываю твою задницу перед хозяином. Скажи спасибо, что вообще что-то оставил. Другую бы уже вышвырнули без копейки.

— Ты не имеешь права... Мне нужны эти деньги! — я шагнула к нему, готовая вцепиться ему в глотку. — Артур, пожалуйста! У меня инсулин заканчивается, мне за учебу платить...

Он грубо толкнул меня в плечо, заставляя сесть обратно на стул.

— Не ной. Десятка — это тоже деньги. Завтра выйдешь в смену, отработаешь еще. А будешь возникать — вылетишь отсюда с волчьим билетом, и ни в один клуб города тебя больше не возьмут. Поняла?

Он подмигнул мне, похлопал по оттопыренному карману пиджака и вышел, насвистывая какую-то мелодию.

Я осталась сидеть перед зеркалом. В отражении на меня смотрела жалкая девчонка в парике и корсете, перед которой лежали две бумажки.

Глава 3

Дамир

Я проверил телефон под столом в десятый раз за последние полчаса.

Пусто.

Ни звонков, ни сообщений с незнакомых номеров. Экран холодно мигнул и погас, отражая мое раздражение.

Прошло две недели. Четырнадцать чертовых дней с той ночи в клубе. Я дал ей три дня. Я был уверен, что эта девчонка позвонит на следующее же утро. Я видел ее глаза, когда она слышала сумму. Я видел ее дешевую одежду и стертую помаду. Ей нужны были деньги, как воздух.

Но она не позвонила.

Упрямая, гордая идиотка. Или она нашла другой способ выжить, или ее гордость оказалась дороже пяти миллионов. В любом случае, мой идеальный план трещал по швам, а запасного у меня не было.

— Дамир, ты не притронулся к эчпочмакам, — голос мамы вырвал меня из мыслей. — Твои любимые, с уткой. Ты совсем исхудал на своей работе.

Я поднял глаза. Семейный ужин в доме Тагиновых. Традиция, незыблемая, как скалы. Каждое второе воскресенье месяца мы собираемся за этим длинным дубовым столом, чтобы играть в счастливую семью. Фарс, достойный Оскара.

— Спасибо, мам, я не голоден, — ответил я, делая глоток воды.

Напротив меня сидел Карим. Мой «удачный» брат. Он вальяжно откинулся на спинку стула, поигрывая бокалом с вином. Рядом с ним, положив ладонь на его руку, сидела Регина.

Она выглядела безупречно. Платье из последней коллекции, идеальная укладка, бриллианты в ушах. Три месяца назад она сидела бы на этом же месте, но держала бы за руку меня.

— А зря, — вступил в разговор отец. Он сидел во главе стола, нарезая стейк с хирургической точностью. — Еда — это энергия. А энергия тебе нужна. Слышал, у твоего... стартапа проблемы с логистикой?

Он произнес слово «стартап» так, словно это было грязное ругательство. Для него, владельца строительной империи, мой IT-бизнес всегда был чем-то вроде детской игры в песочнице.

— У нас нет проблем, отец, — спокойно ответил, чувствуя привычное напряжение в плечах. — Мы масштабируемся. Это требует перестройки процессов.

— Масштабируетесь? — хмыкнул Карим. Его губы растянулись в улыбке, которая не коснулась глаз. — Странно. А мои аналитики говорят, что вы теряете клиентов. Кстати, спасибо за контракт с «Вектором». Они перешли к нам на прошлой неделе.

Я сжал вилку. «Вектор» ушел не потому, что мы хуже. А потому что Карим, пользуясь ресурсами холдинга, предложил им цены ниже себестоимости. Он работал в убыток, просто чтобы насолить мне.

— Демпинг — это не бизнес-стратегия, Карим. Это истерика. Когда у тебя закончатся папины деньги на покрытие убытков, клиенты вернутся ко мне. Потому что мой софт работает, а твой отдел даже техподдержку наладить не может.

— Мальчики, пожалуйста, — жалобно проронила мама. — Давайте не будем о работе.

— Семья должна помогать друг другу, — Регина подала голос. Она смотрела прямо на меня, и в ее глазах плясали бесята. — Дамир, может, тебе стоит перестать упрячиться и вернуться в холдинг? Рустам Ильич, — она обратилась к отцу, — ведь вы найдете ему место? Может быть, руководителем IT-департамента? Под началом Карима.

Это был удар ниже пояса. Предложить мне работать на брата, который украл мою невесту и пытается украсть мой бизнес.

— Прекрасное предложение, дочка, — кивнул отец, не замечая (или делая вид, что не замечает) яда в ее словах. — Дамир, хватит играть в самостоятельность. Ты видишь, Карим уже твердо стоит на ногах. Он женился, он взял ответственность. Дед был бы им доволен.

Дед. Козырная карта в этой партии.

— Дед хотел, чтобы компанией управлял сильнейший, —

отрезал я.

— В завещании сказано: «Тот, кто обеспечит продолжение рода и стабильность», — напомнил Карим, поднося бокал к губам. — Я женат. А ты? Все еще прыгаешь по клубам с Ильдаром?

— Кстати, о женитьбе, — отец отложил приборы и посмотрел на меня тяжелым взглядом. — Через месяц годовщина смерти деда. Совет директоров будет утверждать окончательную стратегию на пять лет. И утверждать главу холдинга. Карим — идеальный кандидат. У него есть тыл, есть семья. А ты, Дамир... Ты нестабилен. Ты один. Кто пойдет за одиночкой, который даже женщину удержать не смог?

В столовой повисла тишина. Мама опустила глаза в тарелку. Регина победно улыбнулась, поглаживая плечо Карима.

Меня захлестнула холодная ярость. Они списали меня. Заживо похоронили под плинтусом, сделав неудачником на фоне «успешного» брата.

— Кто сказал, что я один? — мой голос прозвучал ровно, разрезая тишину.

Все головы повернулись ко мне.

— Что? — переспросил отец.

Я откинулся на спинку стула, копируя вальяжную позу брата. Назад пути не было. Я должен был это сказать.

— Я сказал, что вы плохо осведомлены о моей личной жизни. Я не один. И на годовщину деда я приду не один.

— Очередная модель на одну ночь? — фыркнула Регина,

но в ее голосе проскользнула нервность.

— Нет, — я посмотрел ей прямо в глаза. — Моя невеста. Мы подаем заявление в ЗАГС на днях.

Мама ахнула, прижав салфетку к губам.

— Дамир, сынок! Почему ты молчал? Кто она? Мы ее знаем? Она татарка?

— Вы ее скоро увидите, — уклонился я от ответа. — Она... особенная. Очень скромная. Из простой семьи, но с характером. Именно такая, какая нужна, чтобы быть моим тылом.

Я врал. Нагло, глядя в глаза собственной семье. Но видя, как вытянулось лицо Карима и как побледнела Регина, я чувствовал мрачное удовлетворение.

— Ну что ж, — отец медленно кивнул, хотя в его взгляде читалось недоверие. — Если это правда, приводи ее на мой юбилей. Посмотрим. Если она достойна нашей семьи, тогда разговор о наследстве будет другим.

— Меня не интересует наследство, — процедил я сквозь зубы, чувствуя, как желваки ходят ходуном. — И женюсь я точно не ради него. Меня вполне устраивает мое нынешнее положение.

Отец откинулся на высокую спинку стула и рассмеялся.

Это был не тот смех, которым делятся за хорошей шуткой. Это был рокочущий, барский смех, от которого хрусталь на столе жалобно звякнул, а у меня внутри все сжалось в ледяной комок. Он смеялся надо мной. Как над ребенком, кото-

рый нацепил плащ и заявил, что умеет летать.

— Не смеши меня, Дамир, — он резко оборвал смех, и его лицо мгновенно стало жестким, как гранит. — «Устраивает положение»? Ты возишься в песочнице со своими компьютерными игрушками, пока мы строим города. Ты называешь это успехом? Мальчик, который сбежал из дома, потому что папа был слишком строг.

— Я построил бизнес с капитализацией в миллионы долларов без твоей копейки, — парировал я, стараясь говорить тихо, но веско. — Я создал рабочие места. Я создал продукт. А не просто сел в кресло, которое ты грел тридцать лет, как это сделал Карим.

Брат дернулся, проливая вино на белоснежную скатерть. Регина испуганно ойкнула, хватаясь за салфетку, но никто не обратил на нее внимания.

— Не смей, — голос отца упал до опасного шепота. — Карим знает, что такое долг. Карим знает, что такое семья. А ты знаешь только свою гордыню. Ты говоришь, тебе не нужно наследство? Ложь. В тебе течет моя кровь, Дамир. А наша кровь требует власти. Ты смотришь на брата и тебя съедает зависть, потому что у него есть империя, а у тебя — только амбиции и пустая постель.

— Я смотрю на брата и вижу, как он топит империю, которую строил дед, — я швырнул салфетку на стол, поднимаясь. — Демпинг, убыточные контракты, текучка кадров. Ты слеп, отец, если думаешь, что его послушание заменит ком-

петентность.

Отец покраснел, его шея пошла багровыми пятнами, рот открылся для гневной тирады, но тут в кармане моего пиджака завибрировал телефон.

Звонок. Неизвестный номер.

Я поднял руку, останавливая готовый извергнуться вулкан отцовского гнева.

— Тише, — бросил я, не глядя на него. Этот жест — приказ замолчать главе клана Тагиновых в его собственном доме — заставил повиснуть гробовую тишину. Отец задохнулся от возмущения, его глаза налились кровью, но я уже поднес телефон к уху.

— Да? — резко ответил я.

— Это... Тагуров?

Голос был тихий, хриплый, прерывистый. Будто каждое слово давалось с трудом. Я сразу узнал эти интонации, но сейчас в них не было ни грамма той дерзости, которой она поливала меня в клубе.

— Кира? — я невольно выпрямился, чувствуя, как внутри натягивается струна.

Вся семья уставилась на меня. Мама замерла с вилкой в воздухе, Регина хищно прищурилась, услышав женское имя. Я встретился взглядом с отцом, но мне было плевать на его реакцию.

— Что случилось?

— Я... я согласна, — прохрипела она. Слышно было, как

она тяжело, со свистом втягивает воздух. — Если вы... если ты мне прямо сейчас поможешь.

— Что с голосом? — я нахмурился, делая шаг от стола.
— Ты пьяна?

— У меня мало времени... Пожалуйста... — в трубке слышался какой-то шорох, звон стекла, будто что-то упало.
— Где ты?

Я уже не спрашивал. Я рывкнул, срываясь с места и быстрым шагом направляясь к выходу из столовой.

— Дамир! — прогремел голос отца мне в спину. — Как ты смеешь поворачиваться ко мне спиной, когда я с тобой разговариваю?! Вернись немедленно! Если ты сейчас уйдешь...

Я не слушал. Я уже был в холле, на ходу вытаскивая ключи от машины.

— Адрес, Кира! Живо!

— Улица Ленина... сорок два... квартира пять... — она говорила с паузами, словно теряла сознание. — Код... семьдесят восемь...

— Я еду. Не отключайся.

Глава 4

Кира

Ноги гудели так, словно я пробежала марафон на шпильках по раскаленным углям. Я ввалилась в примерку, мечтая только об одном — сесть. А лучше лечь прямо на этот грязный ковролин и умереть на полчаса.

Сегодня был адский день. Точнее, ночь. В клубе гулял какой-то крупный строительный холдинг. Двадцать мужиков, у которых тестостерон и алкоголь ударили в голову одновременно. И всем им, как назло, подавай Индиго.

— Артур, поставь Кристину, я не могу третий выход подряд! — просила я два часа назад, едва успевая перевести дух за кулисами.

— Не-не, детка, — Артур только отмахнулся, пересчитывая пачку чаевых. — Они платят за "черное каре". Хотят тебя. Так что пей водичку и вперед. Клиент всегда прав, особенно когда оставляет такие бабки.

В итоге я отработала смену за троих, пока остальные девочки сидели на диванах без работы и денег. И судя по их взглядам, они готовы были меня разорвать.

Я добралась до своего столика и рухнула на стул. Руки дрожали. Сначала я списала это на усталость, но потом почувствовала тот самый, знакомый и страшный холодок, бегающий по затылку. Липкий пот выступил на лбу под челкой

парика. В глазах начало темнеть по краям, картинка стала зернистой.

Черт.

Я судорожно стянула перчатку. Пальцы не слушались, были словно ватные. Я не ела. За эти четыре часа непрерывного марафона я не успела даже перекусить.

Дверь гримерки распахнулась, ударившись о стену.

В комнату ввалилась толпа. Кристина, Милена и новенькая, кажется, Оксана.

— Ну что, звезда? — голос Кристины звучал визгливо. — Бабки карман не жмут?

Я не ответила. Я была сосредоточена на замке сумки. Молния заела. Чертова молния. Мне нужен сахар. Срочно. В косметичке была последняя ампула глюкозы и шприц-ручка с коротким инсулином.

— Ты что, оглохла? — Кристина подошла ближе и пнула ножку моего стула.

Меня качнуло.

— Девочки, отстаньте... — прошептала я. Язык заплетался. — Мне плохо...

— Плохо ей! — фыркнула Милена. — Конечно, плохо. Столько бабла в одно рыло загрести. Ты хоть понимаешь, что мы сегодня пустые уйдем из-за тебя?

— Я не виновата... — наконец нащупала собачку молнии.

— Да конечно! Ты с ним спишь, что ли? Или процент ему отстегиваешь больше? — Кристина нависла надо мной. —

Ты здесь без году неделя, а ведешь себя как королева. Обычная подстилка.

Она протянула руку и резко дернула мою сумку на себя.

— Отдай! — вскрикнула я, но голос сорвался.

— Что там у тебя? — Кристина вытряхнула содержимое сумки на пол. — Наркота?

Помада, ключи, телефон и моя косметичка разлетелись по полу. Я сползла со стула, пытаясь собрать вещи. В глазах плыли черные круги.

Я потянулась к косметичке, но Милена с размаху наступила на нее каблуком-шпилькой. Раздался отчетливый хруст пластика и стекла.

— Ой, — притворно испугалась она. — Кажется, я что-то раздавила.

Я замерла, глядя на растекающееся по ковролину прозрачное пятно. Глюкоза. И инсулин. Последняя шприц-ручка, которая была с собой.

— Вы... вы что наделали... — прошептала я в ужасе.

— Нечего свое барахло разбрасывать, — буркнула Кристина, но, увидев мое лицо, побелевшее как мел, немного сбавила обороты. — Пошли, девочки. Нечего с этой ненормальной разговаривать.

Они вышли, громко хлопнув дверью.

Я осталась одна. Руки тряслись так, что я с трудом собрала остатки вещей в сумку. Сахар падал. Мозг работал рывками, как сломанный двигатель.

Домой. Надо домой. Там есть запасы. Я точно помню, что в холодильнике лежала упаковка. И сок. Мне нужен сок.

Я не помню, как переоделась. Кажется, натянула джинсы прямо на колготки в сетку. Схватила куртку и вылетела через служебный вход, молясь, чтобы не встретить Артура.

Такси. Слава богу, приложение было привязано к карте.

В машине меня начало трясти крупной дрожью. Водитель косился в зеркало, но молчал.

— Быстрее... пожалуйста... — прошептала я.

Мы доехали за десять минут. Я ввалилась в подъезд, поднялась на третий этаж, дрожащими руками, с третьей попытки попала ключом в замок.

Квартира встретила меня тишиной и темнотой. Я, не разуваясь, бросилась к холодильнику. Рванула дверцу на себя.

Свет лампочки осветил пустые полки.

Пусто.

Половина лимона, засохший кусок сыра и пустая банка из-под сока.

Я замерла, глядя на эту пустоту. И тут воспоминание ударило меня под дых. Вчера. Я доела все вчера. И собиралась зайти в аптеку и магазин сегодня утром, после смены, когда получу деньги.

Денег нет. Артур забрал почти все. Лекарства нет. Милена раздавила его в клубе. Еды нет.

Я сползла по дверце холодильника на пол. Тело становилось чужим, тяжелым, холодным. Сердце колотилось как

птица в клетке, готовая разорваться.

Паника накрыла меня с головой. Я одна. Никто не придет. Я просто отключусь здесь, на холодном линолеуме, и впаду в кому.

Телефон.

Я достала его из кармана. Экран расплывался. Я тыкала пальцем в стекло, пытаюсь найти хоть кого-то. Скорую? Они будут ехать вечность.

Три дня.

Он сказал, у меня есть три дня. Прошло две недели, но сейчас я молилась чтобы он не нашел другую. Чтобы он все еще нуждался в своей «актрисе».

Я не могу больше туда возвращаться, в итоге они меня просто в один день убьют. Если не убили сегодня.

Нашла номер.

Я вбила его тогда, две недели назад, просто так. На всякий случай.

Гудок. Второй.

— Да? — раздался в трубке мужской голос. Жесткий, недовольный.

— Это... Тагуров? — выдавила я. Язык не слушался.

— Кира?

Он узнал.

— Что случилось?

— Я... я согласна... — прохрипела, тяжело дыша. Воздуха не хватало. — Если вы... если ты мне прямо сейчас помо-

жешь.

— Что с голосом? Ты пьяна? — в его тоне слышалось раздражение.

— У меня мало времени... Пожалуйста... — я попыталась встать, но рука соскользнула, и я что то задела на столе. Оно с грохотом упало на пол.

— Где ты?

— Улица Ленина... сорок два... квартира пять... — каждое слово давалось с боем. — Код... семьдесят восемь...

— Я еду. Не отключайся.

— Купи... сок... — язык был как чужой, неповоротливый кусок мяса во рту. Я прижалась лбом к холодному металлу холодильника, пытаюсь остудить горящий изнутри мозг. — Сладкий... Виноградный или яблочный... Любой...

— Сок? — в его голосе прорезалось искреннее изумление, перекрывающее даже шум мотора на заднем плане. Наверное, он ожидал услышать просьбу о выкупе, адвокатов или полиции. — Ты звонишь мне спустя две недели, чтобы я привез тебе сок?

— И шоколад... — продолжила, игнорируя его тон. Сил объяснять про гликемический индекс и углеводное окно не было. Каждая секунда забирала остатки ясности. — Много сахара... Срочно...

— Ты под кайфом? На тебя напал жор? — рявкнул он, но я слышала, как визжат тормоза — видимо, он резко перестраивался.

— Дверь... — прошептала я, чувствуя, как телефон выскальзывает из потной ладони. Темнота уже не просто стояла в углах, она затапливала комнату черной водой. — Дверь не заперта... Я забыла закрыть...

Телефон с глухим стуком упал на линолеум. Я повалилась на бок, сворачиваясь калачиком у пустого холодильника. Холод пола пробирал до костей, но сил пошевелиться больше не было.

«Только бы успел», — билась последняя мысль, пока сознание окончательно не погасло.

Глава 5

Дамир

Я нарушил семь правил дорожного движения за десять минут.

Стрелка спидометра моей машины лежала в красной зоне, пока я лавировал в потоке машин, подрезая таксистов и игнорируя гудки.

На пассажирском сиденье валялся пакет из круглосуточного супермаркета. Виноградный сок, кола, шоколадные батончики, пачка сахара. Я чувствовал себя идиотом. Я, Дамир Тагиров, без пяти минут глава холдинга, сбежал с семейного ужина, чтобы работать курьером по доставке сладкого для бывшей стриптизерши.

— Жор, — зло процедил я, выворачивая руль. — У нее просто наркоманский жор.

Эта мысль злила меня больше всего. Я поставил на нее все. Я заявил отцу, что приведу невесту. А моя «невеста», судя по бессвязному бреду в трубке, обдолбалась чем-то тяжелым и валяется в приходе, требуя шоколадку.

Если это так, я убью ее. Сначала приведу в чувство, заставлю подписать контракт, отыграю спектакль перед семьей, а потом придушу собственными руками.

Улица Ленина, 42.

Типичная хрущевка на окраине. Обшарпанные стены, за-

пах сырости и кошачьей мочи в подъезде. Я перепрыгивал ступеньки через две, взлетая на третий этаж.

Квартира пять. Дверь действительно была приоткрыта.

Я толкнул ее ногой, готовый увидеть все что угодно: шприцы, бутылки, компанию сомнительных личностей.

Но квартира встретила меня тишиной и темнотой.

Я щелкнул выключателем в коридоре. Лампочка мигнула и неохотно загорелась, освещая убогую обстановку: старый линолеум, вешалка с единственной курткой, потертые обои.

— Кира?

Тишина.

Я прошел на кухню, ориентируясь на свет.

Она лежала на полу, свернувшись в неестественный клубок. Джинсы натянуты прямо на сетчатые колготки, одна нога босая. Рядом валялся телефон и пустая банка.

— Эй! — я подскочил к ней, опускаясь на колени. — Хватит спектаклей! Вставай!

Я схватил ее за плечо и перевернул на спину. И в ту же секунду злость испарилась, уступив место ледяному ужасу.

Она была бледной. Не просто светлой, как в клубе, а серо-зеленой, как мрамор надгробия. Глаза закрыты, губы синие. Но самое страшное — кожа. Она была ледяной и мокрой от липкого, холодного пота. Волосы прилипли к вискам.

Это не наркотики. Я видел передозы. Это выглядело иначе.

— Кира! — я похлопал ее по щекам. Никакой реакции.

Голова безвольно мотнулась.

Она не дышала? Нет, дышала. Поверхностно, с трудом, словно воздух застревал в горле.

«Сахар...» — всплыло в памяти ее последнее слово. И просьба о соке.

Мозг, привыкший анализировать данные, мгновенно сопоставил факты. Холодный пот. Потеря сознания. Просьба о сладком. Пустой холодильник.

Диабет.

Черт!

Я рванул пакет. Виноградный сок. Я сорвал крышку, расплескивая липкую жижу на свой дорогой костюм.

— Давай, пей, — я приподнял ее голову, пытаюсь влить сок в рот.

Зубы были сжаты. Она не могла глотать.

— Не смей умирать, слышишь?! — зарычал я, чувствуя, как паника начинает подступать к горлу. — Ты мне должна свадьбу, стерва! Ты не сдохнешь здесь!

Я разжал ее челюсти пальцами и влил небольшую порцию сока. Она закашлялась, сок потек по подбородку, по шее.

— Глотай!

Еще порция.

Я массировал ей горло, заставляя рефлексy сработать. Снова кашель. Слабый, хриплый, но это был звук жизни.

Я отбросил пакет с соком и схватил шоколадный батончик. Разорвал обертку зубами, отломил кусок и сунул ей в

рот, растирая шоколад по деснам. Глюкоза впитывается через слизистую. Быстрее, быстрее.

Прошла минута. Или час. Я сидел на грязном полу убогой кухни, держа на руках умирающую стриптизершу, перемазанный сладким соком, и считал удары ее пульса на шее.

Слабый.

— Ну же... — прошептал я.

Ее ресницы дрогнули.

Сначала судорожный вздох. Потом стон. Ее тело напряглось, словно ее ударили током, и она распахнула глаза.

Зрачки были расширены, взгляд блуждал, не фокусируясь.

— Где... — прохрипела она едва слышно.

— Ты дома, — ответил я, чувствуя, как у самого дрожат руки. — Пей.

Я снова поднес пакет к ее губам. На этот раз она вцепилась в него обеими руками, как утопающий в спасательный круг. Она пила жадно, захлебываясь, давясь, пока пакет не стал пустым.

Потом она откинула голову мне на грудь, тяжело дыша. Краска медленно, очень медленно начала возвращаться к ее лицу.

Я огляделся. Мой взгляд упал на стол. Пусто. Абсолютно пусто. В открытом холодильнике мышь повесилась.

Я посмотрел на девушку в своих руках.

— У тебя диабет первого типа? — спросил я жестко.

Она кивнула, закрыв глаза.

— Инсулин?

— Разбили... — прошептала она. — В клубе... Девчонки...

— Глюкометр?

— Тоже...

— Еда?

Она просто покачала головой и уткнулась носом в лацкан моего пиджака, который теперь безнадежно испорчен.

Я выругался. Грязно и витиевато.

Картина сложилась. Ее ограбили свои же. Разбили жизненно важные лекарства. Она приехала домой, надеясь на запасы, а их не оказалось. И она просто легла умирать, потому что гордость не позволила позвонить мне раньше.

Дура. Какая же она дура.

— Встать можешь?

— Не знаю... Ног не чувствую.

— Ладно.

Я подхватил ее на руки. Она была легкой, пугающе легкой. Как птица с перебитыми крыльями.

— Куда?... — слабо дернулась она.

— В больницу.

Но мы туда так и не доехали.

Едва мотор зарычал, а машина тронулась, Кира начала приходить в себя окончательно. Глюкоза ударила в мозг, запуская систему заново. Она вцепилась в мою руку, лежащую на рычаге коробки передач, с неожиданной силой. Пальцы

ледяные, ногти с облупившимся лаком впились в кожу.

— Нет... — прохрипела она. — Никаких больниц.

— Ты только что валялась на полу без сознания, — огрызнулся я, не сбавляя скорости. — Не беси меня. Тебе нужно обследование.

— Нет! — она дернулась, пытаясь отстегнуть ремень. — У меня полиса с собой нет, в приемном покое промурыжат до утра, поставят на учет... Останови машину! Или я выпрыгну.

Я глянул на нее. Глаза дикие, но осмысленные. Руки трясутся, но она уже тянется к ручке двери. Эта психованная действительно могла выпрыгнуть на ходу.

— Черт с тобой, — я резко ударил по тормозам, прижимаясь к обочине. — Но сначала аптека. И только попробуй отрубиться у меня в машине — я тебя с того света достану.

Ближайшая круглосуточная аптека была через два квартала, в торговом ряду рядом с цветочным и ломбардом.

Я вошел внутрь, чувствуя себя идиотом в пиджаке, залитом виноградным соком.

— Глюкометр, тест-полоски, иглы, — перечислил я сонной девушке в окошке. — И инсулин. Короткий и длинный. «Лантус» и «Новорапид».

Девушка зевнула, пробила приборы, но на названиях лекарств замерла.

— Инсулин только по рецепту, — отрезала она, глядя на меня поверх очков.

— Девушка, — я наклонился к окошку, стараясь говорить

спокойно, хотя время тикало. — У меня в машине невеста с гипогликемией. Рецепт остался дома, она его не взяла. Мне нужно сейчас.

— Не положено, — буркнула она, убирая руки с клавиатуры. — Вызывайте скорую. Камеры пишат, меня оштрафуют.

Я выдохнул, сдерживая желание выбить стекло. Достал бумажник.

— Послушайте, — я вытащил пятитысячную купюру и положил ее в лоток. — Это не взятка. Это... благотворительный взнос на развитие вашей аптеки. А рецепт я вам... занесу. Завтра. Честное слово Тагирова.

Она посмотрела на купюру. Потом на мой «Бриони». Потом на «Гелендваген», маячивший за витриной. В России суровость законов всегда компенсировалась возможностью договориться.

— Какой, говорите, инсулин? — вздохнула она, быстро накрывая купюру ладонью и оглядываясь на камеру. — Давайте быстро, пока заведующей нет.

Через пять минут я вернулся в машину с пакетом.

Укол она сделала себе сама, прямо в салоне, с привычной, пугающей небрежностью. Задрала свитер, щелчок — и готово.

А потом на нее напал голод. Тот самый, звериный, когда организм орет, что ему нужно восстановить запасы.

— Еда, — сказала она, глядя на светящуюся вывеску «Шаурма 24» через дорогу. — Мне нужно мясо. И хлеб.

Прямо сейчас.

И вот теперь мы здесь.

Пять утра. Спальный район. Парковка у круглосуточного ларька, от которого пахнет жареным мясом и специями.

Я, Дамир Тагиров, сидел за рулем своего «Гелендвагена», ежась от ночной прохлады, которая просачивалась в салон, пока Кира с открытым окном жадно вдыхала воздух. Мой пиджак безнадежно испорчен, на манжете рубашки липкое пятно.

А рядом сидела моя без пяти минут невеста и с пугающей скоростью уничтожала огромную шаурму в сырном лаваше. Мы не стали выходить — на улице дубак, да и контингент у ларька сомнительный: таксисты и подвыпившая молодежь.

Она ела жадно, испачкав нос в белом соусе, совершенно не заботясь о том, как выглядит. В этом было что-то первобытное. И, признаться честно, живое. Намного живее, чем те рафинированные дамы, с которыми я привык ужинать.

Кира проглотила последний кусок, скомкала промасленную бумагу и, наконец, выдохнула, откидываясь на кожаный подголовник. Цвет лица у нее стал почти нормальным, синева с губ ушла.

Она вытерла рот салфеткой и посмотрела на меня. Взгляд стал ясным, колючим. К ней возвращалась ее броня.

— Ты знал, что делать, — сказала она не вопросительно, а утвердительно. — Ты не вызвал скорую сразу, ты побежал за сладким. И ты знал, как вливать сок, чтобы я не захлеб-

нулась.

Я молча достал пачку сигарет, вытащил одну. Крутить ее в пальцах было привычнее, чем отвечать.

— Откуда знаешь симптомы диабета? — спросила она, не сводя с меня глаз. — Для мажора ты слишком хорошо ориентируешься в полевой медицине.

Я усмехнулся, глядя на темную улицу через лобовое стекло.

— У бабушки был, — ответил я просто. — К пятидесяти она часто начала забывать лекарства, путать время, оставляла свою сумку где попало. Я проводил с ней много времени. Приходилось учиться и импровизировать.

Я вспомнил то лето. Жара, старый дом в поселке, бабушка, которая вдруг начинает говорить невпопад и бледнеть. Мне было двенадцать, и я испугался до чертиков.

— Спасибо, — тихо произнесла она.

Это прозвучало странно. Неуклюже, словно слово царапало ей горло.

— Не благодари, — я бросил незажженную сигарету обратно в пачку. Курить перехотелось. — Ты мне должна помнишь? Я просто защищал свои инвестиции. Если бы ты откинулась, мне пришлось бы искать новую актрису за неделю. Геморрой.

Она фыркнула, и этот звук мне понравился гораздо больше, чем ее жалкое «спасибо».

— Ну конечно. Инвестиции. Как я могла забыть, что я

теперь просто актив в твоём портфеле.

— Именно, — кивнул я, заводя мотор. — А теперь поехали. Тебе нужно выспаться, привести себя в порядок и поесть нормальной еды, а не эту кошатину в лаваше. Через месяц ты должна сиять, а пока ты выглядишь как...

— Как стриптизерша, которую ограбили коллеги и чуть не убил собственный организм? — подсказала она.

— Примерно так.

— Ладно, Тагуров...

— Не Тагуров, а Тагиров, — перебил я жестко, выруливая на проспект. — Запоминай. Тебе год носить эту фамилию.

Кира резко повернула голову, посмотрев на меня как на умалишенного.

— Двадцать первый век на дворе. Я оставлю свою. У меня, между прочим, красивая фамилия. Ветрова. Звучит? Звучит.

— Ветрова звучит как прогноз погоды. А Тагирова звучит как бетон, сталь и очень большие деньги. Мой отец — человек старой закалки. Ортодокс. Для него, если жена не взяла фамилию мужа, это не брак, а насмешка. Так что готовься менять паспорт, Кира Ветрова.

— Ты еще скажи, что мне платок носить придется и пол мыть, пятась назад, — пробурчала она, но спорить не стала.

Сытость, тепло салона и пережитый стресс сделали свое дело. Ее организм, получивший наконец топливо, просто вырубил систему. Через минуту я заметил, как ее голова начала

медленно клониться вбок. Она дернулась пару раз, пытаясь сохранить вертикальное положение и бдительность, но проиграла этот бой.

Кира уткнулась лбом в прохладное стекло пассажирской двери и затихла. Ее дыхание выровнялось, рука, судорожно сжимавшая ремень безопасности, разжалась.

Я убавил музыку и печку, чтобы ей не стало душно. В свете уличных фонарей, скользящих по ее лицу, она выглядела совсем девчонкой. Бледная, с темными кругами под глазами, в нелепой дешевой куртке. Никакой роковой женщины-вампа. Просто уставший ребенок, взваливший на себя слишком много.

Мы въехали на территорию моего ЖК. Шлагбаум поднялся, охрана козырнула. Я спустился на подземный паркинг, где царил вечный полумрак и пахло дорогими покрышками.

Заглушил мотор.

В наступившей тишине звук щелкнувшего замка зажигания прозвучал как выстрел.

Кира распахнула глаза мгновенно. Никакого сонного моргания или потягиваний. В одну секунду она спала, а в следующую уже сидела прямо, вертя головой по сторонам, как пойманный зверек.

— Ты куда меня привез, ирод? — выдохнула она, вжимаясь в спинку кресла.

— К себе.

— Чего?! Какой «к себе»? А ну вези меня обратно! Домой

вези! Я у тебя не останусь!

Она дернула ручку двери. Заперто. Центральный замок я еще не разблокировал.

— Открой! — она забарабанила кулаком по стеклу. — Маньяк! Похититель! Я буду кричать!

— Кира, угомонись, — я устало потер переносицу. — У тебя дома в холодильнике только плесень и свет лампочки. Если тебя ночью снова накроет, кто тебя откачивать будет? Тараканы?

— Не твое дело! — огрызнулась она, сверкая глазами. — Я куплю пельмени! Я не поеду в квартиру к малознакомому мужику, который покупает жен на год! Может, ты меня там в подвале прикуешь и будешь кормить виноградом, пока я контракт не подпишу!

— У меня нет подвала, это пентхаус, и поверь, если бы я хотел тебя приковать, я бы не стал тратить время на шаурму.

— Очень смешно. Обхохочешься, — она скрестила руки на груди, принимая позу оскорбленной добродетели. — В общем так, Рагиров. Или ты везешь меня на улицу Ленина, или я сейчас устрою такой концерт, что твоя охрана прибежит сюда с автоматами. Я не останусь. Это вопрос принципа. И безопасности. Я тебя не знаю.

— Та-ги-ров. Кир ты спала в моей машине сорок минут, пока я вез тебя через полгорода. Если бы я хотел тебе навредить, я бы уже это сделал.

— Спящий противник — это неспортивно, — парирова-

ла она, даже не моргнув. — Может, ты маньяк-гурман. Любишь, когда жертва бодрствует и сопротивляется. В фильмах они всегда самые вежливые сначала.

Я устало потер переносицу. Сил на этот детский сад уже не оставалось.

— Хорошо. Выходи.

Я нажал кнопку разблокировки дверей.

Кира недоверчиво покосилась на меня, потом толкнула дверь и выбралась наружу. Ей тут же пришлось обхватить себя руками — на парковке было холодно, градусов десять, не больше.

— Иди, — я махнул рукой в сторону выезда. — Такси вызовешь на улице, тут связь глушат. Денег у тебя, я так понимаю, нет? Те «подруги», что разбили твой инсулин, наверняка и наличку выгребли?

Она замерла. Рука, потянувшаяся к карману джинсов, безвольно опустилась. Я попал в точку.

— Дойдешь пешком? Тут недалеко, километров пятнадцать. Ночью. По промзоне. С твоим сахаром, который только-только стабилизировался. Если упадешь в обморок где-нибудь под мостом — звони, я приеду. Если успею раньше бродячих собак.

Кира зло засопела, глядя на бетонный пандус, ведущий вверх. Потом перевела взгляд на меня. В ее глазах боролись гордость, страх и здравый смысл.

— У тебя есть замок на двери? — спросила она глухо, не

глядя на меня. — В той комнате, куда ты меня тащишь?

— Есть.

— И ключ ты мне отдашь сразу?

— Сразу.

— И еда есть? Нормальная? Не устрицы какие-нибудь, а хлеб, макароны?

— Полный холодильник. Даже пельмени найдутся, если порыться.

Она постояла еще секунду, взвешивая все «за» и «против». Потом резко выдохнула, выпуская облачко пара.

— Ладно, Та-ги-ров. Веди в свою башню. Но если ты подойдешь к моей двери ночью — я буду визжать так, что у твоих соседей лопнут перепонки. И укушу. Я серьезно.

Я вышел из машины, ставя ее на сигнализацию.

— Рискну, — усмехнулся я, направляясь к лифту. — Идем. Я слишком устал, чтобы домогаться до злых, голодных ежей в сетчатых колготках.

Глава 6

Дамир

Ну вот за что мне это? А?

Я стоял посреди собственной гостиной, массируя виски двумя пальцами, пока в ушах звенел возмущенный вопль моей «невесты».

Я — полный идиот. Я сам, своими руками притащил в этот дом катастрофу. Я решил, что с ней можно иметь дело.

— Я. Это. Не. Надену! — чеканила она каждое слово, швыряя в меня бежевой блузкой. Ткань, стоящая как средняя зарплата в регионе, жалобно шлепнулась мне на грудь.

Ильдар, развалившийся в кресле с чашкой моего кофе, давился от беззвучного смеха, наблюдая за этим цирком.

— Дамир, ты где ее откопал? — прошептал он, когда Кира отвернулась к зеркалу, разглядывая себя с выражением вселенской скорби. — Это не женщина, это гремлин. Вредный, мелкий гремлин.

Я метнул в друга уничтожающий взгляд.

Утром я, признаться, опешил. Когда она вышла из гостевой спальни, шаркая по паркету босыми ногами, я на секунду забыл, как дышать. На ней была моя черная футболка, которую я дал ей ночью — на мне она сидела в обтяжку, а на ней висела, как парус, доходя до колен и открывая худые, острые коленки.

Но шок был не от этого.

Блондинка. Оказывается, все это время под черным париком скрывалась натуральная блондинка с пшеничными волосами, которые сейчас торчали во все стороны уютным гнездом.

И глаза. Вчера я проверял зрачки фонариком и не обратил внимания, а сейчас... Голубые. Огромные, небесно-голубые глазища в обрамлении светлых ресниц. Без боевого раскраса, без линз и латекса она выглядела как ангел. Чистый, невинный ангел, сошедший с рождественской открытки.

Ровно до тех пор, пока она не открывает рот.

Позавтракали мы молча — она уничтожала еду, я сверлил взглядом контракт. Подписала она его быстро, даже не читая мелкий шрифт, видимо, сумма в пять миллионов затмила инстинкт самосохранения.

А потом приехал Ильдар с вещами, которые я попросил его купить. И начался ад.

— Это что за чехол для танка? — Кира держала двумя пальцами кашемировое платье песочного цвета. — Тагиров, ты издеваешься? Мне двадцать лет! Двадцать! А это шмотки для библиотekarши, которая решила умереть от тоски прямо на рабочем месте!

— Это элегантная классика, — процедил я, чувствуя, как начинает дергаться глаз. — Ты будущая жена владельца холдинга, а не подросток-бунтарь. Тебе нужно выглядеть дорого и сдержанно.

— Сдержанно? — она взвизгнула, хватая другую вещь — юбку-карандаш ниже колена. — Да в этом ходить невозможно! Тут шаг — десять сантиметров! Я в этом буду как пингвин!

— Зато красивый пингвин, — вставил Ильдар, не удержавшись. — Кира, ну правда, вещи классные. Мах Мага, последняя коллекция.

— Засунь эту коллекцию себе в... портфолио! — огрызнулась она, поворачиваясь к нему. Голубые ангельские глаза метали молнии. — Я хочу свои джинсы! Где мои джинсы?

— В мусоропроводе, — спокойно сообщил я.

Она замерла. Рот открылся в немом крике, лицо пошло красными пятнами.

— Ты... выкинул... мои... джинсы?

— Они воняли шаурмой, клубом и дешевым табаком, — я скрестил руки на груди. — В моем доме и на моей женщине — даже фиктивной — такого не будет.

— Ах так? — она сузила глаза. — Ну тогда я поеду в ЗАГС так!

Она демонстративно расправила на себе мою футболку.

— Прямо вот так. Босиком и в твоей майке. Пусть все видят, какой ты щедрый жених. Зато удобно!

Ильдар уже откровенно ржал, прикрываясь журналом.

— Дамир, слушай, а это идея, — простонал он. — Представь лицо твоего отца, если она в таком виде придет на ужин. «Папа, познакомься, это Кира, она немного... нatio-

рель».

Я медленно выдохнул. Хотелось взять этот маленький белообрый ураган, перекинуть через колено и... Нет, это ста-
тья.

— Кира, — мой голос стал тихим и опасным. — У тебя
ровно три минуты. Или ты надеваешь это платье, или я оде-
ваю тебя сам. Силой. И поверь, я не буду нежным.

Она посмотрела на меня. В голубых глазах на секунду
мелькнул испуг, но тут же сменился вызовом.

— Тиран, — выплюнула она. — Деспот. Абузер!

— Время пошло, — я посмотрел на часы.

Она схватила платье, скомкала его в кулаке и со всей си-
лы швырнула в меня. Мягкий кашемир, стоявший как по-
держанная иномарка, шлепнулся мне в грудь и сполз на пол.

Кира стояла, воинственно задрав подбородок, всем своим
видом говоря: «Ну и что ты мне сделаешь?».

Я медленно наклонился, поднял платье и бросил его на
кресло. Внутри закипала холодная решимость. Никаких уго-
воров.

— Сама напросилась, — тихо произнес я, делая шаг к ней.

— Брат, скажи честно, — прошептал Ильдар, прикрывая
рот ладонью, чтобы нас не услышали консультанты. — Люди
думают, что мы ее похитили? Или что мы волонтеры, кото-
рые вывезли беспризорника в люди?

Мы стояли посреди огромного зала ЦУМа, окруженные

мрамором, позолотой и вешалками с одеждой по цене крыла самолета. Два взрослых мужчины в дорогих костюмах.

А в десяти метрах от нас, между рейлами с последней коллекции, деловито расхаживало мелкое белобрысое нечто.

На Кире была все та же моя черная футболка, висящая мешком. А снизу — мои же серые спортивные штаны, которые я заставил ее надеть, чтобы не везти в трусах через весь город. Штанины были подвернуты раз пять и все равно собирались гармошкой на ее лодыжках, а на талии штаны держались исключительно на честном слове и туго затянутом шнурке.

Выглядела она так, словно ограбила рэпера-великана. Или сбежала из детского дома, украв одежду у физрука.

— Люди думают, что это какой-то ультрамодный оверсайз, — сквозь зубы ответил я, стараясь не встречаться глазами с ошарашенными продавщицами. — Или что она моя сумасшедшая дочь от первого брака.

— Дочь? — хмыкнул Ильдар. — Для дочери у нее слишком хищный взгляд. Смотри, как она щупает этот пиджак. Как будто оценивает, можно ли им кого-нибудь задушить.

Кира тем временем выудила с вешалки ярко-красный брючный костюм, приложила его к себе, глядя в зеркало, и скривилась. Потом швырнула его обратно и пошла дальше.

— Дамир, ты же понимаешь, что это катастрофа? — продолжал шептать Ильдар, наклоняясь к моему уху. — Ты дал ей карт-бланш. Она сейчас выберет что-нибудь с шипами,

кожей или надписью «F*ск you» на спине. И тебе придется вести это в ЗАГС.

— Я сказал ей: «Деловой стиль».

— Ага. А еще ты сказал: «Бери что хочешь, только быстро».

Кира вдруг остановилась. Ее рука замерла над вешалкой с чем-то темно-синим. Она обернулась, поймала наши взгляды и хищно улыбнулась.

— Эй, спонсоры! — гаркнула она на весь магазин так, что какая-то дама с собачкой вздрогнула. — А ну идите сюда! Мне нужен экспертный совет: этот цвет достаточно «скучный» для вашей тусовки или поискать что-то цвета плесени?

Ильдар прыснул, отворачиваясь. Я тяжело вздохнул, поправляя галстук.

— Идем, — скомандовал я другу. — Пока она не начала мерить мужские трусы назло мне.

— Слушай, — Ильдар шепнул мне в спину, пока мы шли к ней. — А мне она начинает нравиться. В ней есть... искра. Твой отец с ума сойдет. В прямом смысле.

— На это и расчет, — буркнул я, подходя к своему «ангелу» в трениках. — Ну что там, Ветрова? Показывай, что ты выбрала, пока нас не вывела охрана за нарушение дресс-кода.

Глава 7

Кира

Женщина с высокой прической, похожей на гнездо встревоженной цапли, что-то медленно вбивала в компьютер, сверяя наши паспорта.

А я сидела на бархатном стуле и медленно сходила с ума.

Платье, которое я выбрала за сто сорок тысяч, оказалось орудием пыток. Темно-синее, строгое, невероятно красивое, оно сидело идеально, но кусалось так, будто его сшили из крапивы вперемешку со стекловотой.

Я повела плечом. Потом другим. Попыталась незаметно потереться лопаткой о спинку стула. Не помогло. Казалось, под этой элитной шерстью бегают сотни маленьких муравьев в касках.

— Хватит дергаться, — прошипел мне на ухо Дамир, не меняя вежливого выражения лица, обращенного к заведующей. — Ты сейчас стул протрешь.

— У меня чешется спина, — огрызнулась я шепотом, едва разжимая губы.

— Терпи.

— Я не могу терпеть! — я дернула ногой под столом, потому что колготки (тоже, блин, какие-то "супер-элитные") начали кусать меня за икры. — Это платье меня ненавидит. Оно чувствует, что я ему не ровня, и пытается меня сожрать.

Ильдар, стоящий у окна и делающий вид, что изучает портьеры, хрюкнул, сдерживая смех.

— Это стопроцентная шерсть, — процедил Дамир, незаметно сжимая мой локоть под столом так, что я замерла. — Веди себя прилично. Мы подаем заявление, а не проходим дезинфекцию от блох.

— А ощущение, что именно от них.

Заведующая подняла на нас глаза поверх очков в золотой оправе.

— Дамир Рустамович, — ее голос сочился медом. — У нас есть свободное окошко через месяц, но, учитывая обстоятельства... Можем расписать вас в следующую субботу. Устроит?

— Более чем, — кивнул Тагиров.

— Невеста согласна? — она посмотрела на меня.

Я в этот момент пыталась почесать поясницу, незаметно выгнувшись дугой. Вопрос застал меня врасплох.

— А? — я моргнула. — Да. Согласна. Только по быстрее, пожалуйста, а то я сейчас кожу с себя сниму.

Брови заведующей поползли вверх, прячась в начесе.

— Невеста... очень взволнована, — быстро вмешался Дамир, и его пальцы на моем локте сжались сильнее, намекая на скорую расправу. — Нервничает. Аллергия на... цветы.

— Ах, понимаю, — женщина сочувственно кивнула. — Вот здесь подпишите. И вот здесь.

Она протянула мне ручку и бланк.

Я потянулась к листку. Рукав платья пополз вверх, снова царапнув кожу. Я скривилась, быстро черкнула подпись и с наслаждением бросила ручку.

— И насчет смены фамилии, — уточнила женщина. — Берете фамилию мужа?

— К сожалению, да.

— Она хотела сказать "С радостью", — перебил меня Дамир, сверля взглядом дыру в моем виске. — Просто у нее от счастья перехватывает дыхание.

— Вижу-вижу, такая страсть, — улыбнулась заведующая. — Ну что ж, поздравляю. Ждем вас в следующую субботу, в 12:00. Парадный вход, малый зал. Без гостей, как вы и просили.

Мы вышли из кабинета. Едва тяжелая дверь закрылась за нашими спинами, я отскочила от Дамира на метр и принялась яростно чесать плечи обеими руками.

— Господи, какой кайф... — простонала я. — Шагиров, ты садист. Ты знал, что эта шерсть такая колючая? Ты специально это сделал?

Дамир смотрел на меня, поправляя идеально сидящий пиджак.

— Ты сама его выбрала. Я тут не причем.

— Все равно ты садист. Ильдар, почеси между лопаток, а? Я не достаю.

Ильдар захохотал в голос и подошел ко мне.

— Не смей трогать мою будущую жену, — рявкнул Дамир

так, что мы с Ильдаром оба подпрыгнули.

Его рука перехватила руку друга в сантиметре от моей спины.

— Дамир, ты чего? — Ильдар удивленно моргнул, глядя на побелевшие костяшки пальцев Тагирова. — Она же просто попросила...

— Я слышал, — отрезал Дамир, отпуская его руку и делая шаг, вставая между нами. Теперь он нависал надо мной, как скала. — Никто не будет чесать мою жену. Особенно в коридоре ЗАГСа.

Я смотрела на него снизу вверх, открыв рот.

— Тагиров, ты ревнуешь? — я даже забыла про зуд. — Серьезно? К фиктивной жене? Или это очередная часть твоего гениального плана «Изображаем страсть»?

Он не ответил. Просто развернул меня к себе спиной, схватил за плечи и с силой провел ладонью вниз, по позвоночнику, именно там, где чесалось больше всего. Жестко, уверенно, сильно.

У меня аж колени подогнулись от неожиданного облегчения.

— Ох... — вырвалось у меня помимо воли. — Да... чуть выше... и правее...

Он сдвинул руку правее, проходясь костяшками пальцев по лопатке через плотную ткань.

— Здесь? — голос звучал низко, прямо над моим ухом.

— Угу... — я прикрыла глаза. — Боже, Тапиров, у тебя

талант. Ты не тем бизнесом занимаешься. Тебе надо чесальщиком работать.

— Еще одно слово и я остановлюсь, — проворчал он, но руку не убрал.

Ильдар, наблюдавший за этой картиной, снова хмыкнул, но теперь в его смешке слышалось что-то еще. Какое-то задумчивое понимание.

— Ладно, голубки, — он посмотрел на часы. — У меня встреча через полчаса. Дальше сами доберетесь? Или мне остаться, чтобы разнимать вас, если вы решите подраться?

— Езжай, — бросил Дамир через плечо, не прекращая своего занятия.

Когда Ильдар скрылся за поворотом коридора, Дамир резко убрал руку и отступил. Магия момента (если это можно так назвать) исчезла. Снова холодный взгляд, снова дистанция.

— Полегчало?

— Немного, — я поправила платье, чувствуя странное покалывание там, где касались его руки. И это было уже не от шерсти. — Спасибо. Но ты все равно тиран.

— В машину, — скомандовал он, направляясь к выходу. — У нас скоро встреча с родителями, нужно подготовиться, придумать легенду, я потом буду занят. И Кира...

Я поплелась следом, снова начиная ерзать плечами.

— Что еще?

— Тебе придется надеть бежевое платье.

— Бежевое? — я остановилась как вкопанная, забыв про зуд. — Это которое цвета уныния и несбывшихся надежд? Таширов, ты хочешь представить родителям невесту или моль, которая случайно залетела в гардероб и там скончалась от скуки?

— Это платье называется «песочный нюд», и оно идеально подходит для знакомства с консервативной татарской семьей, — он открыл передо мной дверь, всем видом показывая, что дискуссия окончена. — Садись. У меня мало времени.

Я фыркнула, но в машину полезла. Спорить с ним, когда он включает режим «Терминатор», было бесполезно. К тому же, это чертово платье из стопроцентной шерсти продолжал свою диверсионную деятельность, и мне не терпелось добраться до места, где я смогу содрать его с себя вместе с кожей.

Как только мы тронулись, Дамир сразу перешел к делу. Никакой романтики, только сухой бизнес.

— Значит так, легенда, — он смотрел на дорогу, но я чувствовала, как его мозг работает, просчитывая варианты. — Мы познакомились три месяца назад. На выставке современного искусства в «Гараже». Ты стояла у инсталляции из ржавых труб и рассуждала о бренности бытия.

— Я? Рассуждала? — скептически выгнула бровь. — Тагипов, я дизайнер, а не философ-наркоман. Я бы скорее сказала, что эти трубы плохо сварены.

— Неважно, — отмахнулся он. — Главное — мы встретились в приличном месте. Не в клубе, не в баре, не на улице. В галерее. Ты — студентка, будущий искусствовед или дизайнер, неважно. Скромная, начитанная, из интеллигентной, но небогатой семьи. Твои родители... скажем, учителя в регионе.

— Мама — медсестра, отца я ни когда не видела — жестко оборвала я его полет фантазии. — Врать про семью я не буду. Чем меньше лжи в деталях, тем сложнее на ней погореть.

Он на секунду оторвал взгляд от дороги и посмотрел на меня.

— Хорошо. Медсестра — это достойно. Социально одобримо. Отца нет — тоже плюс, некому будет задавать лишние вопросы моему отцу.

— Циник, — констатировала я.

— Реалист. Слушай дальше. Моя семья — это минное поле. Отец, Рустам Ильич, будет давить. Он любит проверять людей на прочность. Будет задавать неудобные вопросы, пытаться поймать на несоответствиях. Твоя задача — не хамить, но и не лебезить. Держи спину прямо, отвечай коротко и с достоинством.

— Как на допросе в НКВД, поняла.

— Мама, Альфия Закировна, мягкая, но очень тревожная. Ей главное, чтобы ты меня кормила и не была, цитирую, «очередной вертихвосткой». С ней просто — улыбайся, хвали еду и спрашивай рецепты. Карим. Мой брат. С ним слож-

нее. Он будет улыбаться тебе в лицо, а за спиной рыть яму. Он попытается тебя очаровать, чтобы понять, кто ты такая и откуда взялась. Не верь ни единому его слову. И держись от него подальше.

Он запнулся.

В салоне повисла тяжелая тишина. Даже шум мотора казался приглушенным.

— И его жена. Регина, — наконец произнес он, и в его голосе прозвучал лед. — Она будет провоцировать. Пытаться показать, что знает меня лучше, чем ты. Намекать на наше прошлое. Твоя задача — игнорировать. Ты выше этого. Ты — настоящее, она — прошлое. Поняла?

— Намекать на наше прошлое? — переспросила я, повернувшись к нему всем корпусом, насколько позволял ремень безопасности и это платье-убийца. — В смысле, вы с ней в одной песочнице куличики лепили? Или...

Я осеклась. Пазл в голове, который до этого состоял из разрозненных кусков «богатый мужик», «странная семья» и «ненависть к брату», вдруг щелкнул и сложился в уродливую картинку.

— Она твоя бывшая, — констатировала я. Не спрашивая. Утверждая. — Та, которая должна была стать женой вместо меня. А брат ее увел.

Дамир сжал руль так, что кожаная оплетка скрипнула. Желваки на его скулах заходили ходуном.

— Бинго, Ветрова. Возьми с полки пирожок. Но только

без сахара.

— Оу, — я присвистнула. — Санта-Барбара по-татарски. Теперь понятно, почему тебе так срочно понадобилась жена. Это не просто бизнес. Это операция «Утри нос бывшей». Ты хочешь привести меня туда как трофей. Типа: «Смотри, Регина, какую красотку я отхватил, пока ты там давишься икрой с моим братом-предателем».

— Ты слишком много болтаешь, — процедил он.

— А ты слишком много скрываешь, Тапиров. Если я иду на войну, я должна знать, кто снайпер. Значит, Регина... Красивая?

Он молчал минуту.

— Эффектная, — наконец выдавил он. — Но это не имеет значения. Ты моложе, свежее и...

— И дешевле, — подсказала я ехидно. — Пять миллионов против половины империи? Выгодная сделка.

Он резко затормозил на светофоре, повернулся ко мне и посмотрел тем самым взглядом, от которого у его подчиненных, наверное, случается энурез.

— Ты не дешевле, Кира. Ты — мой самый рискованный актив. И если ты провалишь ужин, я потеряю не деньги. Я потеряю лицо. А это стоит дороже любых миллионов. Так что запомни: ты любишь меня до безумия. Ты смотришь на меня как на божество. И ты абсолютно, тотально счастлива.

Я фыркнула, поправляя колючий воротник.

— За пять миллионов я буду смотреть на тебя так, будто

ты — огромный, сочный эклер с заварным кремом. Это максимум страсти, на который я способна.

— Сойдет, — он отвернулся, когда загорелся зеленый. — Главное, не перепутай и не укуси меня за ухо от голода.

Глава 8

Кира

Тагиров даже мотор глушить не стал. Едва я выкарабкалась из его «гелика», он дал по газам так, будто за ним гналась налоговая или совесть. Хотя, учитывая его характер, совести там давно нет, а налоговую он, наверное, купил.

— И тебе пока, любимый, — пробурчала я в след удаляющимся красным огням, показав средний палец тонированному стеклу.

Лифт вознес меня в пентхаус за секунды. Щелкнул замок, и я оказалась в звенящей тишине этой огромной, стерильной квартиры.

Едва тяжелая дверь захлопнулась, отрезая меня от внешнего мира, я выдохнула.

— Всё. Хватит.

Руки сами потянулись к молнии на спине. Это синее чудище, которое Дамир называл платьем, а я — орудием инквизиции, полетело на пол прямо в прихожей. Я с наслаждением почесала плечи, бедра, живот. Боже, какое счастье.

Осталась в одном нижнем белье — простом черном комплекте без кружев, который я надевала под костюмы. Тело, освобожденное от шерстяных оков, требовало движения. Энергия, накопленная за часы сидения на бархатном стуле и выслушивания нотаций, искала выход.

Я заметила на тумбочке умную колонку.

— Алиса! — гаркнула я в пустоту квартиры. — Врубай музыку! Что-нибудь тягучее, с басами. Типа «Two Feet» или «The Weeknd». И погромче!

— Включаю, — отозвался вежливый механический голос.

Через секунду пространство наполнилось глубоким, вибрирующим битом.

«I feel like I'm drowning...»

О, да. То, что нужно.

Я потянулась, встала на носочки. Паркет был приятно прохладным. Я сделала первый шаг, скользя по полу, словно по льду. Бедра сами вспомнили привычную амплитуду. Я не просто шла на кухню — я плыла, изгибаясь в такт музыке, пропуская ритм через позвоночник.

— Так, что у нас тут... — пропела я, делая пируэт вокруг кожаного дивана, который стоил как моя почка. — Музей современного искусства имени Тагирова. Руками не трогать, дышать через раз.

Я проскользила мимо стеклянного столика, провела пальцем по его кромке, изображая волну.

— Ску-у-учно, — протянула я, падая в глубокий прогиб назад, а потом резко выпрямляясь. — Где жизнь, Дамирчик? Где разбросанные носки? Где крошки от печенья?

Я влетела в кухню, продолжая танцевать. Кухня была огромной, черной и такой блестящей, что в фасадах можно было красить ресницы.

Резким движением, в бит ударных, я распахнула огромный двухстворчатый холодильник.

— О-хо-хо! — прокомментировала я, изучая полки и при-танцовывая на месте. — Мраморная говядина? Серьезно? Ты ее сырой ешь, хищник? А это что? Устрицы? Фу, гадость... О, сыр!

Я схватила упаковку какого-то элитного сыра и зеленое яблоко. Зубами надорвала пленку, откусила кусок сыра, потом яблоко.

Повернулась, опираясь спиной на открытую дверцу холодильника. Холод приятно охлаждал разгоряченную кожу.

— Ну и кто так живет? — спросила я у пустоты, делая волну животом и закидывая ногу на кухонный остров. — Ни майонеза, ни кетчупа. Сплошной ЗОЖ и пафос. Бедный, бедный Дамир...

Я спрыгнула с острова, крутанулась вокруг своей оси, чувствуя себя хозяйкой этого холодного замка. Яблоко хрустнуло на зубах. Я сделала широкий шаг, собираясь эффектно проскользнуть обратно в гостиную...

— Твою мать! — выкрикнула я, подпрыгнув на месте.

Яблоко выпало из руки и с глухим стуком покатилося по паркету.

В проеме, ведущем в прихожую, стояла женщина.

Она смотрела на меня. Я смотрела на нее.

На ней было кашемировое пальто цвета топлёного молока, идеально уложенные темные волосы и выражение лица,

которым можно было замораживать азот. Она была красивая. Той холодной, дорогой красотой, которая требует больших вложений и полного отсутствия мимики, чтобы не появились морщины.

Музыка продолжала качать басы, делая ситуацию совсем уж сюрреалистичной.

— Ты кто такая? — рявкнула я, опомнившись первой. Адреналин ударил в голову.

Женщина медленно, с достоинством сняла солнечные очки, хотя в помещении было не так уж ярко. Её темные глаза прошли по мне сканером — от босых ног до растрепанных светлых волос. Взгляд был такой брезгливый, словно она обнаружила на дорогом ковре раздавленного таракана.

— А ты? — спросила она. Голос у нее был низкий, грудной, с нотками высокомерия.

— Я тут живу, вообще-то.

Женщина изогнула идеальную бровь. Уголок её напмаженного рта дернулся в усмешке.

— Тут живет Дамир.

— Да я в курсе, проницательная ты наша! Кто такая и что делаешь в моем доме? Откуда у тебя ключи?

Она не ответила. Она прошла вглубь комнаты, цокая каблуками, словно забивала гвозди в крышку моего гроба. Остановилась, посмотрела на валяющееся на полу синее платье, которое я скинула пять минут назад. Брезгливо подцепила его носком лакированной туфли.

Потом подняла на меня глаза, в которых плясали злые огоньки.

— В твоём доме? — переспросила она с ядом. — Интересно. А Дамир знает, что его дом теперь принадлежит... — она сделала паузу, подбирая слово, — персоналу?

— Так все заткнись.

Девушка поперхнулась воздухом.

— Что ты сказала?

— Я сказала: рот закрой. У меня от твоего голоса мигрень начинается.

Я прошла мимо неё к столу, где лежал мой телефон. Она проводила меня взглядом, в котором читался шок. Видимо, она привыкла, что при её появлении все падают ниц или в обморок.

Взяла трубку, нажала быстрый набор.

— Да? — рявкнул Дамир в трубку. — Кира, я занят, что случилось?

— Разворачивайся.

— Что? Я уже почти в офисе...

— Я сказала, разворачивайся и дуй домой. Быстро. У нас тут крысы завелись.

— Какие крысы? Ты о ч...

— Крупные. В бежевом пальто. Если ты не приедешь через двадцать минут, я спущу её с лестницы. А я, как ты помнишь, девушка нервная и физически развитая.

Я сбросила вызов и бросила телефон на диван.

— Присаживайся — я кивнула на диван, а сама села на широкий подлокотник. Закинула ногу на ногу, выпрямила спину. — В ногах правды нет, подождем Дамира вместе.

Женщина хмыкнула, но приглашение приняла. Она опустилась на диван с грацией змеи, сворачивающейся в кольцо, аккуратно расправила полы пальто, чтобы не дай бог не соприкоснуться с поверхностью, где могла сидеть «челядь».

Она смерила меня долгим взглядом, в котором сквозило откровенное недоумение пополам с брезгливостью. Еще бы — я сидела на подлокотнике в одном черном белье, болтая ногой, и на моем лице не было ни тени смущения.

— Так ты, правда, невеста его? — наконец произнесла она, и в ее голосе прозвучала плохо скрытая насмешка.

Я ничего не ответила. Просто смотрела на нее, склонив голову набок, как энтомолог на жука. Молчание — это мощное оружие. Людей оно бесит куда больше, чем крик.

Она восприняла мою тишину как слабость или тупость.

— А ты в курсе, что все, что здесь есть... все было выбрано мной? — она обвела рукой гостиную с хозяйским видом. — Этот диван, шторы, цвет стен... Ты, по факту, живешь в нашем с Дамиром гнездышке.

Я зевнула, прикрыв рот ладонью. Она сузила глаза, но продолжила, пытаясь ужалить большее:

— Уверена, и постельное белье в спальне осталось наше. Шелковое, черное? Я его заказывала из Италии. Приятно спать на простынях, где мы с ним... любили друг друга?

Я лишь усмехнулась. Коротко, уголком губ.

Бедная, бедная богатая девочка. Она думает, что меня это заденет? Я спала на матрасах в гримерках, где пахло потом и дешевыми духами, и на вокзале, когда сбежала из дома. Меня не напугать итальянским шелком, даже если на нем спала сама королева драмы.

Я ничего не сказала. Продолжала качать ногой, глядя ей прямо в переносицу.

В этот момент входная дверь распахнулась с таким грохотом, будто ее выбивали тараном.

В квартиру влетел Дамир.

Вид у него был бешеный. Галстук сбит набок, волосы растрепаны, грудь ходит ходуном. Он ворвался в гостиную и сразу, с порога, уперся взглядом в меня.

Он увидел меня — полуголую, сидящую на подлокотнике дивана, спокойную как удав. Но с его ракурса высокую спинку дивана, на которой сидела гостья, видно не было. Саму женщину — тоже.

— Кира, твою мать! — рывкнул он, делая шаг ко мне. — Какого черта ты мне звонишь и угрожаешь? Какие еще крысы? И почему ты, черт возьми, снова раздета?!

— Привет, Дамир, — раздался ледяной голос с дивана.

Тагиров замер на полушаге. Его лицо, только что выражавшее смесь ярости и беспокойства, мгновенно окаменело. Он медленно перевел взгляд чуть левее и ниже.

Регина (а я не сомневалась, что это она) плавно поднялась

с дивана, поворачиваясь к нему.

— Я, конечно, знала, что у тебя специфический вкус, милый, — она кивнула в мою сторону, кривя губы. — Но не думала, что ты опустишься до того, чтобы приводить девок прямо в наш дом.

Дамир не смотрел на нее. Он смотрел на ключи, которые лежали на стеклянном столике перед ней. Его кулаки сжались так, что побелели костяшки.

— Откуда у тебя ключи, Регина? — спросил он тихо, но от этого тона у меня мурашки побежали по спине. Это был голос не бизнесмена, а хищника, чей территорию нарушили.

— Остались дубликаты, — она пожала плечами, делая вид, что не замечает его тона. — Я заехала забрать кое-какие свои вещи. А тут... этот цирк.

— Это она меня цирком называет — подаю голос и поднимаю руку.

— Ты может уже оденешься? — цедит сквозь зубы Регина.

— Даже не подумаю. Ты представляешь Дамир танцую я значит, ни кому не мешаю и тут она... ...в пальто и с лицом, будто лимон проглотила. И начинает мне рассказывать про ваше постельное белье. Ты представляешь? Я чуть яблоком не подавилась от такой наглости.

Я спрыгнула с подлокотника, потянувшись, демонстративно выгибая спину, и подошла к Дамиру.

Он даже не взглянул на мое полуголое тело. Его черные глаза буравили Регину.

— Дамир, ты позволишь ей стоять перед нами в таком виде? Это же... вульгарно. Это неуважение ко мне.

Тагиров медленно расстегнул пуговицу пиджака, не сводя с нее тяжелого взгляда. Желваки на его скулах перекатывались, выдавая ту самую сдержанную ярость, о которой я говорила.

— Неуважение, Регина, — это вломиться в чужой дом без приглашения, — произнес он голосом, от которого температура в комнате упала еще на пару градусов. — А Кира находится у себя дома.

Регина открыла рот, но Дамир ее перебил, сделав шаг вперед. Он встал так, что наполовину закрыл меня собой. Не как защитник, а как собственник, ограждающий свое имущество.

— И если она хочет ходить в белье — она будет ходить в белье. Если она захочет встречать меня голой — она будет это делать. Если она захочет сидеть на кухонном столе и есть руками — это ее право. Потому что она здесь хозяйка. А ты — никто.

Я аж замерла. Ого. А у «императора» есть характер. Внутри разлилось мстительное удовольствие. Я выглянула из-за его плеча и послала Регине самую сладкую, самую ядовитую улыбку, на которую была способна.

Лицо Регины пошло красными пятнами. Маска ледяной королевы треснула.

— Ты... ты серьезно сравниваешь меня с этой... — она за-

дохнулась от возмущения, махнув рукой в мою сторону. — С этой дворовой девкой? Дамир, очнись! Ты пытаешься доказать мне, что счастлив с ней? Это же смешно! Ты просто подобрал первое попавшееся ничтожество, чтобы уязвить меня!

— Ключи, — коротко бросил Дамир, протягивая руку ладонью вверх.

— Я приехала за вещами! — взвизгнула она, теряя самообладание. — У меня здесь остались платья, украшения... Моя любимая ваза!

— Я все выбросил.

— Что?

— В тот же день, когда ты легла под Карима. Я вызвал клининг и приказал вынести все на помойку. Все на свалке, Регина. Там, где этому и место.

Удар был жестоким. Прямо под дых. Я даже присвистнула про себя. Он умеет делать больно, не повышая голоса.

Регина побледнела так, что стала сливаться со своим пальто цвета топленого молока. Ее губы задрожали.

— Ты лжешь...

— Ключи, — повторил он с нажимом. — Или я меняю замки и подаю заявление в полицию о незаконном проникновении. Скандал в прессе, заголовки «Жена Карима Тагирова вламывается к бывшему». Твоему мужу это понравится? А отцу?

Она смотрела на него несколько секунд с ненавистью, сме-

шанной со страхом. Потом схватила со столика связку ключей и с силой швырнула их в него.

Дамир даже не дернулся. Ключи звякнули, ударившись о его грудь, и упали на паркет.

— Будь ты проклят, — прошипела она. — И ты, и твоя шлюха. Вы стоите друг друга.

Она развернулась, взметнув лапами пальто, и зацокала к выходу. Мы стояли молча, пока не хлопнула тяжелая входная дверь.

В квартире снова повисла тишина, нарушаемая только тихим битом музыки, которую я так и не выключила.

Дамир медленно выдохнул, проводя ладонью по лицу. Плечи его чуть опустились, но напряжение никуда не ушло. Он наклонился, поднял ключи с пола и сунул их в карман.

Потом повернулся ко мне.

Теперь в его взгляде не было той защитной стены, которую он выстроил перед Региной. Он смотрел на меня сверху вниз — на мои босые ноги, на черный комплект белья, на растрепанные волосы. В его глазах было что-то темное, тяжелое. Усталость пополам с раздражением. И что-то еще, что я не успела разобрать.

— Шоу окончено, Ветрова, — глухо произнес он. — Ты отлично справилась с ролью наглой стервы. Премию выпишу. А теперь...

Он снял пиджак и бросил его на спинку того самого дивана, где сидела Регина.

— Надень штаны. И сделай мне кофе. Крепкий. Без сахара.

Я фыркнула, скрещивая руки на груди.

— А волшебное слово?

— Быстро, — рывкнул он, направляясь в сторону кабинета. — Иначе я передумаю насчет того, что тебе можно ходить голой, и лично замотаю тебя в ковер.

Я показала его широкой спине язык, но спорить не стала. Адреналин от стычки схлынул, и я вдруг почувствовала, как дрожат колени. Не от страха. А от странного, будоражащего чувства победы.

Глава 9

Дамир

Я рухнул в кожаное кресло своего кабинета, чувствуя, как адреналин, бурливший в крови последние пятнадцать минут, начинает медленно отступать, оставляя после себя свинцовую тяжесть.

Тишина. Благословенная тишина со звукоизоляцией высшего класса.

Потер лицо ладонями, с силой надавливая на глаза. Перед внутренним взором все еще стояла эта сюрреалистичная картина: моя бывшая невеста в пальто за полмиллиона и моя будущая фиктивная жена в грошовом белье, шипящие друг на друга, как две кошки на одной крыше.

Регина... Я думал, что ничего не почувствую, увидев ее. Но я почувствовал. Гнев. Холодную, расчетливую ярость от того, что она посмела прийти сюда, в мое личное пространство, со своими дубликатами ключей и претензиями на собственность.

И Кира.

Невольно усмехнулся. Эта девчонка — ходячая катастрофа, но сегодня ее безумие сыграло мне на руку. Она не испугалась. Не стушеввалась перед лоском и ядом Регины. Она просто... была собой. Дикой, непредсказуемой и абсолютно неуправляемой.

Телефон на столе ожил, вибрируя и настойчиво ползая по лакированной поверхности дуба.

На экране высветилось имя Ильдара.

Я поморщился, глядя на время. Черт. Совещание по интеграции новой платформы.

Нажал кнопку ответа и включил громкую связь, откидываясь на спинку кресла.

— Дамир, ты где? — голос Ильдара звучал напряженно, на фоне слышался офисный гул. — Инвесторы из «Сириуса» уже в переговорной. Мы начинаем через десять минут. Ты в пробке?

— Я дома, — коротко ответил я, расстегивая манжету рубашки.

— В смысле «дома»? — Ильдар на секунду замолчал, перемалывая информацию. — Ты забыл папку с документами? Ладно, я потяну время, пока ты доедешь. Минут двадцать тебе хватит?

— Я не приеду, Ильдар.

В трубке повисла тишина. Такая плотная, что я слышал, как Ильдар перестал стучать пальцами по столу.

— Ты сейчас шутишь, да? — наконец произнес он, понизив голос. — Дамир, это «Сириус». Мы готовили эту сделку полгода. Это выход на азиатский рынок. Ты генеральный, твое присутствие обязательно.

— Проведи встречу сам. Или перенеси. Скажи, что у меня форс-мажор. Придумай что-нибудь. Ты мой зам, в конце

концов, отрабатывай свой хлеб.

— Форс-мажор? — Ильдар почти перешел на шепот, в котором звенела паника пополам с недоумением. — Брат, какой к черту форс-мажор? Ты же железный человек. Ты даже с температурой тридцать девять приезжал закрывать сделки. Что случилось?

Я вздохнул, глядя в окно на серую панораму города.

— У меня в квартире случилось вторжение.

— Вторжение? — голос друга дрогнул. — Грабители? Полицию вызвал? Кира цела?

— Хуже, Ильдар. Гораздо хуже. Регина.

— Регина? — теперь в его голосе было чистое изумление.

— Какого... Что она там забыла?

— Решила проверить свои старые владения. Открыла дверь своим ключом. И застала дома Киру.

— Оу... — протянул Ильдар. — Неловко вышло. Надеюсь, Кира была одета в то приличное платье?

Я хмыкнул, вспоминая недавнюю сцену.

— Нет. Кира была в трусах и лифчике. И сидела на подлокотнике дивана, поедая яблоко.

На том конце провода что-то с грохотом упало. Кажется, Ильдар выронил телефон или папку с документами.

— Ты серьезно? — его голос прозвучал приглушенно.

— Абсолютно. Они сцепились. Кира назвала ее крысой в пальто, Регина назвала Киру дворовой девкой. В итоге я вышвырнул Регину и забрал ключи. Меня до сих пор трясет

от желания кого-нибудь ударить, так что на переговорах от меня сейчас будет мало толка. Я скорее сорву сделку, чем подпишу ее.

Ильдар молчал секунд десять.

— Охренеть... — наконец выдохнул он. — Твоя бывшая и твоя нынешняя фейковая невеста в нижнем белье устроили разборки в твоём пентхаусе за десять минут до совета директоров. Это... это мощно.

— Это дурдом, Ильдар. Просто дурдом.

— Ладно, — голос друга стал собранным, хотя нотки шока никуда не делись. — Я понял. Сиди дома, пей валерьянку... или виски. Я возьму «Сириус» на себя. Скажу, что ты на срочном селекторе с правительством. Но с тебя подробности завтра. В красках. Особенно про Киру и яблоко.

— Иди к черту.

— И тебе не хворать, семьянин, — хохотнул Ильдар и отключился.

Я отбросил телефон и закрыл глаза. В дверь кабинета осторожно, но настойчиво постучали.

— Кофе, — раздался из-за двери голос Киры. — Без сахара, без цианида. Можно войти, или ты там уже вешаешься от тоски по своей «эффектной» бывшей?

Дверь приоткрылась, и в кабинет просочилась Кира. На этот раз она была одета. Правда, ее понятие о «домашней одежде» снова вызвало у меня нервный тик. На ней была моя

серая толстовка с капюшоном, которую я обычно надевал на пробежку. Толстовка была ей настолько велика, что рукава свисали ниже кистей, а нижний край доходил почти до колен, превращая вещь в странное бесформенное мини-платье.

В руках она держала дымящуюся кружку.

— Заходи, — буркнул я, выпрямляясь в кресле и машинально поправляя манжеты. — Ты подслушивала?

— Я? — она округлила глаза, делая вид святой невинности. — Боже упаси. Просто у тебя стены тонкие, а ты орешь как раненый бизон. Держи.

Она поставила кружку на стол передо мной. Черный кофе. Запах был правильный — густой, с легкой горчинкой.

— Ты умеешь пользоваться кофемашиной? — удивился я, делая осторожный глоток.

— Там всего две кнопки: «вкл» и «сделай мне хорошо», — фыркнула она, забираясь с ногами в кресло для посетителей напротив меня. — Даже обезьяна справится. А я, как ты заметил, примат с высшим образованием. Почти.

Я посмотрел на нее поверх кружки. Она спрятала руки в длинные рукава толстовки, как в муфту, и смотрела на меня с любопытством. В ее взгляде не было страха, только легкая настороженность.

— Почему ты не ушла? — спросил я.

— В смысле? — она наклонила голову набок. — Ты же сам сказал: «Сделай кофе». Я исполнительная наемная ра-

ботница.

— Я про ситуацию с Региной. Любая другая на твоём месте устроила бы истерику, собрала вещи и сбежала. Или потребовала бы компенсацию за моральный ущерб.

Кира усмехнулась, болтая босой ногой.

— Тадилов, я работала в ночном клубе. Я видела, как жены выдирают волосы любовницам прямо на танцполе. Я видела, как мужики ломают носы друг другу из-за косого взгляда. Твоя Регина — это так, легкая разминка. Снежная королева с ПМС. Она меня не напугала. Она меня... разозлила.

— Разозлила?

— Ага. Зашла сюда как к себе домой. Начала вещи перебирать. А потом на меня посмотрела так, будто я пустое место. Ненавижу таких. У них вместо души — банковский счет, а вместо сердца — калькулятор.

Я невольно улыбнулся.

— А у тебя не калькулятор? Ты же за пять миллионов продалась.

— Эй! — она погрозила мне пальцем, который едва выглядывал из рукава. — Я не продалась, а заключила сделку. И у меня есть цель. А у нее — только гонор. И кстати, раз уж о ней заговорили, какова твоя цель Дамир? Для чего я нужна тебе на самом деле?

Я сделал еще один глоток кофе. Горячая жидкость обожгла горло, но этот ожог был приятным, отрезвляющим. Я посмотрел на Киру. В этом нелепом балахоне, с поджатыми

ногами и взъерошенными волосами, она казалась существом с другой планеты, случайно залетевшим в мой мир дорогих костюмов и грязных интриг.

Но она задала правильный вопрос.

— Месть, — просто ответил я, ставя кружку на стол.

Кира перестала болтать ногой.

— Месть? Как в турецком сериале?

— Как в жизни, Кира. — Я развернул кресло к окну, глядя на город, который расстился внизу серой, дождливой пеленой. — Мне не нужен был семейный бизнес. Строительная империя, тендеры, взятки чиновникам — вся эта грязь меня не интересовала. Я строил свой IT-кластер, мне нравилась чистота кода и логика алгоритмов. Я не лез в дела отца. Я всегда был за спиной Карима. Поддерживал его, прикрывал его косяки, писал ему стратегии, которые он выдавал за свои. Я был просто братом. Хорошим братом.

Я сжал подлокотник кресла, чувствуя, как внутри снова поднимается холодная волна ненависти.

— До тех пор, пока он меня не предал.

— Увел девушку?

— Если бы только это, — я усмехнулся своему отражению в стекле. — Он и отец провернули схему, по которой мои патенты перешли в собственность холдинга. Они использовали мои разработки, чтобы выиграть гостендер, а меня выставили вон, как только я стал не нужен. Карим убедил отца, что я нестабилен, что я играюсь, а настоящим делом должен

управлять он. А Регина... Регина просто выбрала победителя. Она всегда любила комфорт больше, чем людей.

Я резко развернул кресло обратно к Кире.

— Но теперь я хочу лишить его всего. Не просто денег. Я хочу забрать у него почву из-под ног. Империю. Уважение отца. И Регину.

Кира нахмурилась, внимательно вглядываясь в мое лицо.

— Ты хочешь вернуть ее? После всего этого? Ты до сих пор ее любишь?

В ее голосе прозвучало что-то странное. Разочарование? Или просто недоумение.

— Не совсем, — медленно произнес я, откидываясь на спинку кресла и сцепляя пальцы в замок. — Мне не нужна Регина-жена. Мне не нужна Регина-женщина.

— Тогда зачем?

— Я хочу, чтобы она решила, что я хочу ее вернуть, — жестко улыбнулся я. — Я хочу, чтобы она увидела меня: успешного, сильного, с красивой молодой невестой. Я хочу, чтобы ее начала грызть зависть. Чтобы она пожалела о своем выборе.

Я подался вперед, понизив голос:

— Главное — чтобы она предала брата. Сама. Добровольно. Чтобы она приползла ко мне, готовая бросить Карима ради шанса снова быть со мной. Мне нужен этот момент ее слабости и предательства. Я хочу, чтобы Карим узнал об этом. Чтобы он увидел, что его «идеальная жена» готова продать

его при первой же возможности.

— А потом?

— А потом, — я безразлично пожал плечами, допивая кофе, — она отправится туда, где ей и место. В прошлое. Мне не нужна предательница, Кира. Мне не нужен трофей, который переходит из рук в руки в зависимости от того, у кого больше активов. Как только она сделает шаг ко мне, как только унизит Карима своим выбором — моя цель будет достигнута. Я отвергну её. Публично, жестко. Оставлю её ни с чем: без богатого мужа, без репутации и без меня.

Я посмотрел Кире прямо в глаза.

— Это будет шах и мат. Карим потеряет лицо, потому что жена предпочла ему "неудачника-брата". А Регина потеряет всё, потому что погналась за призраком бывшей любви. Они сожрут друг друга обвинениями. А я просто перешагну через них и заберу компанию.

В кабинете повисла тишина. Слышно было только, как дождь барабанит по панорамному стеклу. Кира медленно откусила кусок печенья, не сводя с меня взгляда.

— Знаешь, — наконец сказала она с набитым ртом, — а ты страшный человек, босс. Прямо злодей из комиксов. Только плаща не хватает и злобного смеха.

— Жизнь научила, — сухо ответил я. — В этом мире или ты хищник, или корм. Я слишком долго был кормом.

Кира смахнула крошки с колен и спрыгнула с кресла. Ее огромная толстовка колыхнулась, делая ее похожей на ма-

ленькое привидение.

— Ладно. Мсть так мсть. Значит, моя задача — быть настолько офигенной, чтобы у этой Регины зубы сводило от зависти, папу взбесить, брата свести с ума, маме понравится.

— Почти угадала, — я слегка усмехнулся, оценивая точность её формулировки. — Маме понравиться проще всего. Ей достаточно увидеть, что я не одинок и кто-то смотрит на меня с обожанием. Она давно мечтает о внуках, так что тут ты попадешь в цель, просто взяв меня за руку.

Я встал и подошел к ней. Рядом с моим идеально отутюженным костюмом её балахон смотрелся особенно нелепо, но в этом и был весь смысл. Контраст.

— А вот с остальными сложнее, — продолжил я, глядя на неё сверху вниз. — Отца взбесит сам факт, что ты не из «нашего круга», не дочь министра и не владелица нефтяной вышки. Но при этом ты должна выглядеть так, будто эта вышка у тебя есть, просто ты забыла, где её оставила. Карим должен видеть во мне победителя. А Регина...

Я сделал паузу, вспоминая холодный блеск глаз бывшей невесты.

— Регина — это фасад. Дорогая штукатурка, за которой пустота. Чтобы она подавилась завистью, ты не должна пытаться переиграть её на её поле. Не надо быть чопорной леди. Ты должна быть живой. Яркой. Настолько охренительной, чтобы рядом с тобой она чувствовала себя старой, скучной мебелью.

Кира скептически осмотрела себя в зеркале, потянув за растянутый рукав худи.

— Боюсь, в этом прикиде я могу вызвать у неё только желание вызвать охрану или подать на пропитание. «Бомж-стайл» сейчас в моде, конечно, но не до такой же степени.

Я достал из внутреннего кармана пиджака черную карту безлимитного счета и, щелкнув по пластику пальцем, положил её на край стола. Звук получился звонким, как выстрел.

— Завтра вечером благотворительный прием в честь юбилея фонда отца. Там будут все. Это наш выход.

Кира перевела взгляд с карты на меня. Её глаза хищно блеснули.

— У тебя сутки, Кира, — жестко сказал я. — Никаких лимитов. Салоны, стилисты, платья — мне плевать, сколько это будет стоить. Но завтра, когда мы войдем в этот зал, все разговоры должны стихнуть. Я хочу, чтобы Карим уронил бокал, а Регина почувствовала себя дешевкой в своем платье за десять тысяч долларов. Справишься?

Она медленно протянула руку и накрыла карту ладонью, словно кошка, поймавшая мышь.

— О, босс, — расплылась она в улыбке, от которой мне стало даже немного не по себе. — Ты даже не представляешь, на что способна женщина с неограниченным бюджетом и целью кого-то позлить. Твоя бывшая будет рыдать в туалете, обещаю.

Глава 10

Кира

Черная карта в моей руке казалась тяжелой, словно была отлита из чистого осмия. Лимита нет. Это звучало как музыка, как самая сладкая симфония для ушей студентки, которая последние два года шила себе платья из остатков ткани, купленных на распродажах в подвальных магазинах.

Водитель Дамира, молчаливый мужчина с шеей шире моего бедра, высадил меня у неприметного особняка в переулках Остоженки. Никаких кричащих вывесок, никаких неоновых букв. Только тяжелая дубовая дверь и маленькая золотая табличка: «Дом Элиты».

Я знала это место. Точнее, я читала о нем в закрытых пабликах для знатоков моды. Это был не просто магазин, это портал в другой мир для жен олигархов и любовниц депутатов. Здесь тебе не просто продавали платье — здесь создавали образ «под ключ». Косметология, стилисты, визажисты и эксклюзивные коллекции, которые никогда не висят в витринах ЦУМа. Вход только по клубным картам или по предварительной записи, которую нужно ждать полгода.

Или если у тебя в руках «черная метка» Тагирова.

Я поправила растянутый рукав худи, глубоко вздохнула и толкнула дверь.

Внутри пахло деньгами. Этот специфический запах —

смесь редких духов, свежих орхидей и дорогой кожи.

Администратор за стойкой из белого мрамора — девушка с лицом настолько идеальным, что оно казалось нарисованным нейросетью — подняла на меня глаза. Ее взгляд скользнул по моей толстовке, задержался на спортивных штанах, подвернутых гармошкой, и в нем застыло вежливое, но ледяное: «Девушка, курьерская доставка с черного входа».

— У меня запись, — сказала я, подходя к стойке и небрежно бросая черную карту на мрамор. Пластик звякнул.

Взгляд администратора метнулся к карте. Я увидела, как расширились ее зрачки, когда она прочитала имя владельца. Тагиров. Это имя в этом городе открывало двери быстрее, чем пинок спецназа.

— Добрый день... — она запнулась, пытаясь подобрать обращение к существу в трениках. — Эээ... Господин Тагиров предупредил о вашем визите. Весь второй этаж забронирован для вас.

— Отлично, — я хмыкнула, забирая карту. — Мне нужна полная смена имиджа. И кофе. На этот раз с сахаром.

Через десять минут я уже сидела в кресле перед огромным зеркалом, а вокруг меня порхали три феи с кисточками и расческами.

— Какой образ мы создаем? — спросил главный стилист, манерный парень с розовой челкой. — Романтика? Драма? Свадебный шик?

Я посмотрела на свое отражение. Бледная кожа, уставшие

глаза, растрепанный пучок.

— Мне нужна «Дорогая стерва», — жестко сказала я. — Но не та, что увешана логотипами модных домов, как новогодняя елка. Мне нужен «тяжелый люкс», но с интеллектом. Представьте, что я владею контрольным пакетом акций, а в сумочке у меня не помада, а пистолет с глушителем.

Стилист расплылся в улыбке.

— О, я вас понял. Работаем на контрасте. Делаем «зеркальные волосы» — идеально гладкие, сияющие. Никаких кудрей, это дешевит. Макияж — «без макияжа», но такой, чтобы кожа сияла изнутри, будто вы спите по двенадцать часов и питаетесь исключительно росой с альпийских лугов. И акцент...

— Губы, — перебила я. — Винные. Темные.

— Рискованно для блондинки, — прищурился он. — Но мне нравится.

Два часа пролетели как в тумане. Меня скрабировали, массировали, увлажняли и полировали. Когда меня, наконец, развернули к зеркалу, я не узнала девушку по ту сторону стекла.

Мои волосы, обычно пушистые и непослушные, лежали тяжелым, сияющим полотном, словно жидкое золото. Кожа светилась фарфоровой бледностью, на которой темные, четко очерченные губы цвета «пьяная вишня» смотрелись вызывающе и порочно.

— А теперь — самое вкусное, — стилист хлопнул в ладо-

ши. — Гардеробная.

Меня провели в зал, где на вешалках висели платья, стоимость каждого из которых могла бы покрыть мой инсулин на десять лет вперед.

Консультанты начали выносить варианты.

— Посмотрите это, ручная работа, расшито кристаллами... — женщина поднесла ко мне нечто воздушно-бежевое, все в блестках.

— Уберите это немедленно, — поморщилась я. — Я не выпускница провинциальной школы и не диснеевская принцесса. Регина будет в бежевом или золотом, это к гадалке не ходи. Мне нужно то, что убьет её скучную классику.

— Тогда, может быть, черный бархат?

— Слишком банально. Я буду похожа на вдову, которая заранее радуется наследству. Хотя... идея неплохая, но нет.

Я встала и сама пошла вдоль рядов. Мои пальцы скользили по тканям. Шелк, органза, тафта. Я знала их все. Я знала, как они будут вести себя в движении, как будут преломлять свет.

— Мне нужна архитектура, — бормотала я себе под нос. — Геометрия. Холод.

И тут я его увидела.

Оно висело в самом конце, словно изгнанник.

Платье сложного кроя. Цвета жидкой ртути, темного металла, оружейной стали. Ткань — тяжелый, текучий атлас, который льется, как вода.

Никаких блесков. Никакого кружева.

Глухой ворот под горло, длинные рукава, закрывающие кисти, но при этом — абсолютно открытая спина, вырез которой уходил опасно низко, почти до копчика. И разрез от бедра, такой высокий, что при ходьбе будет видна вся нога.

Это было платье-броня и платье-провокация одновременно. Закрытое спереди — «я недоступна», и обнаженное сзади — «смотри, что ты потерял».

— Это, — я указала пальцем.

— О, у мадемуазель есть вкус, — уважительно кивнула консультант. — Это архивная коллекция. Сложный крой. Требуется идеальной осанки и отсутствия белья.

— Белье и так не люблю, как выяснилось, — хмыкнула я. — Несите.

Когда я вышла из примерочной, в зале воцарилась тишина. Даже манерный стилист перестал жевать жвачку.

Платье сидело как вторая кожа. Ткань струилась по телу, подчеркивая каждый изгиб, но не обтягивая вульгарно. Холодный стальной оттенок идеально контрастировал с теплой пшеницей моих волос и кровавыми губами.

Я повернулась к зеркалу спиной. Вырез был идеален. Мои лопатки, позвоночник — всё это выглядело хрупким и одновременно хищным в обрамлении темного металла.

— Туфли, — скомандовала я, чувствуя, как внутри просыпается азарт. — Черные лодочки на высокой шпильке. Лаковые. И никаких украшений на шею. Только крупные серь-

ги. Холодное серебро, геометрия.

Через пятнадцать минут образ был завершен.

Я стояла перед огромным зеркалом в пол и видела не Киру Ветрову, студентку-дизайнера с ипотекой на инсулин. Я видела женщину, которая может купить этот город и сжечь его дотла, просто потому что ей стало скучно.

— Упакуйте мои треники, — бросила я администратору, снова протягивая черную карту. — Мой будущий муж скоро придет.

Я увидела его в отражении высокого зеркала. Дамир вошел, и атмосфера в салоне мгновенно изменилась, словно кто-то выкачал весь кислород.

Он был мрачнее тучи. Идеальный костюм, свежая рубашка, но взгляд — тяжелый, давящий, как бетонная плита. Он остановился в дверях, его глаза нашли меня, и он замер.

Я приготовилась к оценке. К кивку. К чему угодно, кроме того, что последовало дальше.

Вместо того чтобы подойти, он обвел ледяным взглядом персонал. Стилист с розовой челкой застыл с расческой, администратор перестала улыбаться.

— Вон, — произнес Дамир. Тихо, но так, что у меня мурашки побежали по рукам.

— Простите? — пискнула девушка на ресепшене.

— Я сказал: все вон, — Дамир даже не повысил голос, но в нем зазвенела такая сталь, что спорить было бы самоубий-

ством. — Персонал, охрана, уборщицы. Все на улицу. Сейчас.

— Но у нас запись... Мы не можем оставить салон... — начал было стилист.

Дамир шагнул вперед, и стилист инстинктивно попятился.

— Я выкупаю ваше время. Двойной тариф за простой. А теперь — исчезли. У вас тридцать секунд.

Это было похоже на эвакуацию при пожаре. Никто не стал задавать вопросов. Девочки хватали сумки, кто-то уронил папку, охранник у двери молча кивнул и вышел первым. Через минуту хлопнула входная дверь, и щелкнул замок.

За витриной, на улице, толпились растерянные сотрудники, а Дамир опустил жалюзи, отрезая нас от мира.

Мы остались одни.

Он медленно повернулся ко мне. Теперь я могла разглядеть его лицо. Там не было восхищения. Там было глухое, темное раздражение. Его взгляд скользнул по разрезу на бедре, поднялся к открытой спине и застыл на моих глазах.

Он подошел ближе. От него пахло холодом улицы и дорогим табаком.

— Нет, — отрезал он.

Я моргнула, не сразу понимая.

— Что «нет»?

— Ты в этом никуда не пойдешь.

Я почувствовала, как внутри закипает злость. Я потратила

три часа. Меня крутили, вертели, мазали какими-то маслами, укладывали каждый волосок, а он просто говорит «нет»?

— Ну что в этот раз не так, а? — я развернулась к нему всем корпусом, и ткань платья, похожая на жидкое серебро, скользнула по коже. — Цвет не тот? Фасон не тот? Или у тебя настроение испортилось, и ты решил отыграться на моем гардеробе?

— Посмотри на себя, Кира, — он указал на зеркало, его голос был сухим и жестким. — Ты понимаешь, куда мы идем? Это ужин в честь юбилея фонда. Там будут партнеры отца, старейшины, инвесторы. Люди, для которых слово «традиции» — не пустой звук.

— И что? — я скрестила руки на груди. — Ты нанял меня не для того, чтобы я им чай разливала в парандже.

— Я нанял тебя играть роль моей жены, а не танцовщицы из закрытого клуба, — рыкнул он, подходя вплотную. — У моей семьи есть определенные рамки. Это платье... оно переходит все границы. Спина голая до поясицы. Разрез такой, что при ходьбе видно то, что видеть не должен никто, кроме мужа. Это вульгарно, Ветрова. Это плевок в лицо моему отцу.

— Ах, вульгарно? — я шагнула к нему, зло прищурившись. — А притащить фальшивую невесту, чтобы позлить бывшую — это не вульгарно? Это верх этикета?

— Не путай стратегию и провокацию, — парировал он. — Я хочу, чтобы они видели в тебе соперницу, сильную фигу-

ру. А в этом, — он пренебрежительно махнул рукой в мою сторону, — они увидят только то, что ты продаешься. И решат, что у меня нет вкуса, раз я позволил своей женщине выйти в таком виде.

Он был консервативен до мозга костей. Я вдруг отчетливо это поняла. Весь этот лоск, современный бизнес, — всё это было на поверхности. А внутри сидел суровый восточный мужчина, которого воспитывали в строгости. Ему было стыдно. Не за меня — за себя. Что он «допустил» такое.

Но черта с два я пойду переодеваться в какое-нибудь скромное платье.

— Тагиров, послушай меня, — я говорила жестко, чеканя слова. — Ты можешь сколько угодно играть в моралиста, но давай будем честными. Если я надену закрытое черное платье в пол, знаешь, что скажет Регина? Она скажет: «Бедная девочка, Дамир ее совсем забил». Она посмотрит на меня с жалостью. А твой брат Карим решит, что я серая мышь, которой легко управлять.

— Пусть думают, что хотят, — процедил Дамир, но я видела, что он слушает.

— Нет! — я ткнула пальцем ему в грудь. — Ты платишь мне за результат. Ты хочешь, чтобы Регина задохнулась от яда? Чтобы твой отец понял, что ты никого не слушаешь и делаешь что хочешь?

Я подошла к зеркалу и встала рядом с ним, глядя на нас двоих.

— Посмотри. Это платье не вульгарное. Оно опасное. Оно дорогое. Оно кричит о том, что мне плевать на их мнение. И что тебе плевать на их правила. Если ты приведешь скромницу — ты подтвердишь, что боишься осуждения семьи. Если ты приведешь меня в этом — ты покажешь, что ты здесь главный хищник и взял самое лучшее, не спрашивая разрешения.

Дамир молчал. Он смотрел в зеркало, на мое отражение. Его челюсти были сжаты так, что ходили желваки. Я видела борьбу в его глазах. Традиции против амбиций. Воспитание против желания утереть нос всем родственникам.

— Они сожрут тебя взглядами, — наконец произнес он глухо. — Каждый старый извращенец за этим столом будет пялиться. Тебе самой будет комфортно?

— Мне плевать, — я усмехнулась, поворачиваясь к нему. — Я актриса, Дамир. Это костюм. А когда они будут пялиться, знаешь, что они будут думать?

— Что ты, должно быть, чертовски крут, раз такая женщина стоит рядом с тобой и смотрит на них как на грязь. Разве не этого ты хотел? Абсолютного доминирования?

Он перевел взгляд на меня. В его глазах все еще было раздражение, но теперь к нему примешивалось что-то еще. Не желание, скорее, мрачное уважение к моей наглости.

Он тяжело выдохнул, проведя ладонью по лицу.

— Ты невыносима, — констатировал он.

— Это входило в прайс, — я пожала плечами, и бретелька

платья опасно качнулась.

Дамир проследил за этим движением, нахмурился и резко снял с себя пиджак.

— Хорошо. Пойдешь в этом, — он шагнул ко мне и набросил свой пиджак мне на плечи. Тяжелая теплая ткань скрыла спину и плечи, сразу стало уютнее. — Но до входа в зал ты пиджак не снимешь. А за столом будешь сидеть так, чтобы ни один лишний сантиметр кожи не был виден.

— Ладно, папочка, — фыркнула я, поправляя огромный для меня пиджак. — Как скажешь.

— Я серьезно, Ветрова, — он взял меня за подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза. Хватка была жесткой, властной. — Если кто-то из них скажет хоть слово в твой адрес — я за себя не ручаюсь. Так что води себя так холодно, чтобы они инеем покрылись. Поняла?

— Я буду Снежной Королевой, — пообещала, убирая его руку. — Поехали. А то сотрудники там на улице скоро витрину протрут носами от любопытства.

Он коротко, криво усмехнулся — первый раз за вечер.

— Пусть смотрят. Им полезно.

Дамир развернулся и пошел к выходу, на ходу доставая телефон. Я пошла следом, кутаясь в его пиджак, который пах им так сильно, что кружилась голова. Раунд остался за мной. Но я понимала: вечер будет тяжелым. Очень тяжелым.

Глава 11

Дамир

Эта женщина меня доканает. В могилу сведет.

Я выжимал педаль газа, лавируя в вечернем потоке, и чувствовал, как внутри закипает глухое раздражение, смешанное с привычной уже тревогой. Мой идеально выверенный план трещал по швам. Снова.

— Ты уверена? — спросил я, не отрывая взгляда от дороги.

— Да, — голос Киры звучал виновато и тихо. Она сидела рядом, все так же кутаясь в мой пиджак, и судорожно перебирала содержимое крохотного клатча, который ей всучили в салоне. — Там только помада и телефон. Я... я перекладывала вещи из худи, когда меня торопили, и, видимо, косметичка осталась на столике у зеркала.

С силой сжал руль, чувствуя, как кожаная оплетка скрипит под пальцами.

Я рассказывал о бабушке?

Так вот, Кира была абсолютно такой же. Только у нее не было старческой деменции. У нее была катастрофическая, детская безалаберность, помноженная на упрямство.

— У меня сахар пять и пять был полчаса назад, — пробормотала она, заметив, как напряглись мои плечи. — Может, обойдется? Там же ужин, я просто не буду есть углево-

ды...

— А если стресс? — резко перебил я. — Если Регина что-то ляпнет, и у тебя скакнет адреналин? Или алкоголь? Ты понимаешь, что мы едем не в кино, а в серпентарий?

Она замолчала. Я бросил быстрый взгляд в ее сторону. Она побледнела. Не так сильно, как в ту ночь, но ее руки, сжимающие проклятый бесполезный клатч, мелко дрожали. То ли от страха, что я буду орать, то ли гипогликемия уже начинала передавать свои «приветы».

— Мне... мне уже немного не по себе, — призналась она шепотом, отворачиваясь к окну. — Руки трясутся.

Я выругался сквозь зубы. Громко, грязно, так, как не положено генеральному директору.

Визг тормозов заставил водителя соседней машины испуганно шарахнуться в сторону. Я резко выкрутил руль, разворачиваясь через две сплошные. Плевать на штрафы. Плевать на правила.

— Мы возвращаемся, — отрезал я.

— Мы опоздаем, — пискнула Кира. — Дамир, начало в семь. Уже без пятнадцати. Пока доедем обратно, пока заберем, пока вернемся... Это час, не меньше! Твой отец нас расстреляет.

— Пусть расстреливает, — рыкнул я, вдавливая газ в пол. — Это лучше, чем ты рухнешь в кому лицом в салат на глазах у всей бизнес-элиты Москвы. Тогда нас точно запомнят, но не так, как я планировал.

Обратная дорога казалась вечностью.

В салоне уже было темно и закрыто, но я так долбил в стеклянную дверь, что охранник, наверное, решил, что начался штурм. Когда заспанный администратор вынес нам за бытую косметичку, я был готов убивать.

Кира сделала замер прямо в машине.

— Четыре и два, — выдохнула она, быстро доставая шприц-ручку и ампулу с глюкозой на всякий случай. — Падает. Ты был прав.

Она жадно съела конфету, которую выудила из недр своей косметички. Я смотрел на это и думал, что моя жизнь превратилась в какой-то безумный квест по поддержанию жизнедеятельности этой невыносимой блондинки.

— Прости, — сказала она, когда мы снова мчались в сторону центра. Она уже не дрожала, в голубые глаза вернулся блеск. — Я просто... переволновалась из-за платья, из-за тебя, из-за всего этого цирка.

— Замолчи, Ветрова, — устало бросил я. — Прошу, просто замолчи.

Мы опоздали ровно на час.

Шестьдесят минут.

В мире большого бизнеса опоздание на пятнадцать минут — это неуважение. Опоздание на полчаса — оскорбление. Опоздание на час — это декларация войны или... демонстрация абсолютной власти.

Подъезжая к парадному входу отеля «Ритц», я видел, что

красная дорожка уже пуста. Все гости внутри. Фотографы, скользящие у входа, уже собирали аппаратуру, но, увидев мой «Гелендваген», встрепенулись, как стая стервятников.

— Мы опоздали, — констатировала Кира, глядя на пустую лестницу. — Это провал?

Я заглушил мотор и повернулся к ней.

Сейчас или никогда.

— Нет, — я медленно улыбнулся, чувствуя, как внутри просыпается холодный азарт. — Это не провал. Это выход хедлайнеров. Короли не приходят вовремя, Кира. Короли приходят тогда, когда считают нужным.

Я вышел из машины, обошел ее и открыл пассажирскую дверь.

Вспышки камер тут же ослепили нас.

— Сними пиджак, — скомандовал я, протягивая ей руку.

Кира на секунду замешкалась. В ее глазах мелькнул страх — тот самый, девочки из провинции, которая боится осуждения.

— Кира, — я наклонился к ней, глядя прямо в глаза. — Ты — женщина на пять миллионов. Ты — моя женщина. Покажи им это.

Она глубоко вздохнула. Ее подбородок вздернулся вверх. Одним плавным движением она скинула мой пиджак на сиденье.

Жидкое серебро платья блеснуло под светом софитов.

Когда она взяла меня за руку и вышла из машины, у фо-

тографов случилась истерика. Щелчки затворов слились в один сплошной треск.

Она была великолепна. Разрез на бедре открывал длинную, стройную ногу при каждом шаге. Спина была обнажена вызывающе, дерзко, но ее идеально ровная осанка превращала эту наготу в искусство.

Я положил ладонь ей на талию — на голую, горячую кожу спины. Почувствовал, как она вздрогнула, но не отстранилась. Наоборот, прижалась ко мне чуть плотнее.

— Идем, — шепнул я ей на ухо. — И помни: ты смотришь на них как на грязь.

Мы вошли в огромный бальный зал в тот момент, когда отец произносил тост.

— ...и я горжусь тем, что моя семья всегда чтит традиции, всегда пунктуальна и всегда едина...

Двери распахнулись.

Триста голов повернулись в нашу сторону.

Повисла тишина. Такая звонкая, что было слышно, как звякнула вилка, выпавшая из чьих-то ослабевших пальцев.

Отец замолк на полуслове, его лицо начало наливаться багровым цветом. Карим, стоявший рядом с ним с бокалом шампанского, застыл с открытым ртом.

А Регина...

Я нашел ее взглядом. Она стояла в своем безупречном, но скучном золотом платье, похожая на дорогую статуэтку. И она смотрела на Киру.

На это платье цвета стали. На эту открытую спину. На мою руку, лежащую на ее талии.

В глазах Регины я увидел не просто зависть. Я увидел шок. И страх.

Кира сжала мою руку чуть сильнее, но ее лицо оставалось бесстрастным, ледяным и прекрасным. Она медленно обвела зал взглядом, задержалась на моем отце и едва заметно, царственно кивнула ему, словно разрешая продолжать.

— Добрый вечер, — громко, на весь зал произнес я, разбивая тишину. — Прошу прощения за задержку. Моя невеста... требовала особого внимания.

По залу прошел шепоток. Двусмысленность фразы была намеренной. Я почувствовал, как щеки Киры едва заметно порозовели, но она выдержала марку, подарив мне взгляд, полный обожания (или желания убить, что в данном случае выглядело одинаково страстно).

Мы прошли через зал, как ледокол сквозь арктические льды. Я чувствовал, как сотни глаз буравят наши спины. Мужчины смотрели с жадным, нескрываемым интересом, женщины — с тем особым видом сканирующей ненависти, на который способны только светские львицы, увидевшие конкурентку моложе и ярче себя.

Отец все-таки закончил тост — скомканно, сухо — и сел. Мы подошли к главному столу.

— Ты опоздал, — процедил он, не глядя на меня, когда

я отодвинул стул для Киры. — Это неуважение к совету директоров.

— Пробки, отец, — небрежно бросил я, занимая место рядом с ней. — Москва стоит.

— Странно, — подал голос Карим, сидевший напротив. Он пожирал Киру глазами, забыв о том, что рядом сидит его жена. — А мы доехали с ветерком. Видимо, у кого-то были дела поважнее юбилея.

— У кого-то просто другие приоритеты, брат, — я улыбнулся ему той самой улыбкой, за которую в детстве нас ставили в угол. — Но тебе не понять. Ты же любишь приходить заранее, чтобы успеть всем угодить.

Кира села. Она сделала это идеально — плавно, аккуратно придерживая разрез на бедре, чтобы не показать лишнего, но достаточно, чтобы мужская половина стола синхронно перестала жевать.

Официанты тут же подсустились, наполняя бокалы.

Я положил руку на спинку стула Киры. Мои пальцы коснулись ее голой кожи между лопаток. Она была горячей. И, черт возьми, слишком открытой.

Только сейчас, сидя за столом и наблюдая за реакцией окружающих, я начал понимать масштабы своей ошибки. Я хотел спровоцировать семью. Я хотел, чтобы Регина лопнула от злости.

Но я не учел одного.

Я не учел, как на Киру будут смотреть другие.

Справа от нас сидел Аркадий Борисович — грузный нефтяник с сальными глазками и тремя разводами за плечами. Он пялился на Киру так откровенно, словно она была десертом, который подали раньше времени. Его взгляд скользил по ее шее, спускался к ключицам, а когда она потянулась за салфеткой, чуть наклонившись вперед, он едва слюной не захлебнулся.

Меня накрыло глухой, темной волной раздражения
Какого черта он пялится?

Я подвинул свой стул ближе к Кире, практически вплотную, загораживая ее от нефтяника своим плечом.

— Ешь, — шепнул я ей, кивнув на закуски. — Тебе нужны углеводы.

Кира метнула на меня быстрый взгляд. В ее глазах плясали смешинки, но она послушно взяла вилку.

— Какая интересная спутница, Дамир, — пропела Регина. Ее голос был сладким, как патока, в которой увязла муха. Она сидела прямая, как струна, в своем золотом платье, и сжимала ножку бокала так, что пальцы побелели. — Ты нас не представишь?

— Кира, — коротко сказал я. — Моя невеста.

— Невеста? — мама всплеснула руками. Она выглядела растерянной, но в ее глазах, устремленных на Киру, было любопытство. — Деточка, какая ты... необычная. И платье такое... современное.

— Спасибо, Альфия Закировна, — Кира улыбнулась ей.

И это была не та хищная ухмылка из клуба, и не та наглая гримаса, адресованная Регине. Это была мягкая, теплая улыбка. — Дамир много рассказывал о вашем вкусе. Я боялась не соответствовать.

Мама растаяла мгновенно.

— Ох, ну что ты! Ты очень красивая. Правда, худенькая такая... Дамир, ты ее совсем не кормишь?

— Я стараюсь, мам. Но у нее такой... активный обмен веществ.

По столу прошел смешок. Карим усмехнулся, Регина поджала губы.

— А чем вы занимаетесь, Кира? — спросил отец. Он смотрел на нее тяжело, оценивающе, как на дефектную деталь в механизме. — Дамир сказал, вы из простой семьи.

Наступил момент истины. Я напрягся, готовый вмешаться, если она начнет плавать в легенде.

Кира отложила приборы. Она выпрямила спину — идеально ровную, с этой чертовой ложбинкой позвоночника, которая сводила с ума половину зала, — и посмотрела отцу прямо в глаза.

— Я искусствовед, Рустам Ильич. Занимаюсь современным искусством. Инсталляции, перформансы, новая волна. Ищу таланты там, где другие видят только мусор.

— Искусствовед? — переспросила Регина с ядом. — Как мило. Это сейчас так называется безработица? «Ищу себя»?

— Это называется инвестиции в будущее, Регина, — па-

рировала Кира спокойно. — Мир меняется. Нефть и бетон — это прекрасно, это фундамент. Но людям нужны эмоции. Они готовы платить миллионы за то, что заставляет их чувствовать. Я помогаю им найти этот источник.

Она говорила уверенно, красиво, чуть лениво растягивая слова. Я смотрел на нее и не верил, что еще утром эта девочка сидела в моих трениках и пила кофе, поджав ноги.

— Эмоции, говорите... — протянул Аркадий Борисович, наклоняясь через стол. Его взгляд упал на вырез ее ноги — Я бы тоже проинвестировал в такие эмоции. Девушка, а у вас случайно нет... персональных консультаций.

Внутри меня что-то щелкнуло. Предохранитель перегорел.

Я резко положил руку на спину Киры. Моя ладонь полностью накрыла обнаженный участок кожи, который так привлекал внимание этого старого козла.

— Аркадий Борисович, — произнес тихо, но так, что за нашим краем стола повисла тишина. — Моя невеста консультирует только меня. Эксклюзивный контракт. Без права передачи третьим лицам. И штрафы за нарушение условий там такие, что даже вашему холдингу не потянуть.

Нефтяник поперхнулся коньяком, встретившись с моим взглядом. Он увидел там то, что заставило его быстро отвести глаза и уткнуться в тарелку.

— Понял, понял, Дамир Рустамович. Шучу я.

— Неудачно.

Я не убрал руку. Наоборот, начал медленно поглаживать большим пальцем позвонок Киры. Это был жест собственника. Метка. «Мое. Не трогать».

Кира повернула ко мне голову. Ее глаза расширились. Она не ожидала такой реакции. В ее сценарии я должен был быть холодным партнером, а не ревнивым самцом.

— Ты чего? — одними губами спросила она.

— Ешь, — так же тихо ответил я, наклоняясь к ее уху. — И сиди прямо. Ты слишком... сияешь. Меня это начинает раздражать.

— Наслаждайся эффектом, Тагиров. Ты хотел, чтобы они смотрели? Они смотрят.

— Я хотел, чтобы они завидовали, а не раздевали тебя глазами, — рыкнул я. — Еще один взгляд от этого жирного ублюдка, и я надену на тебя скатерть.

Она тихо фыркнула, пряча улыбку в бокале с водой.

— А, по-моему, вы переигрываете, — громко сказала Регина, не выдержав нашего перешептывания. — Эти публичные нежности... Выглядит дешево. Как в мыльной опере.

— Зависть — плохое чувство, Регина, — я наконец посмотрел на нее. — Оно старит. Тебе не говорили?

— Чему завидовать? — она нервно рассмеялась, поправляя бриллиантовое кольцо, которое стоило целое состояние, но смотрелось на ней как ошейник. — Тому, что ты нашел себе... богемную девочку без роду и племени? Дамир, мы же знаем твои вкусы. Ты любишь стабильность, статус. А это...

— она махнула рукой на Киру, — это игрушка на пару месяцев. Пока не надоест.

За столом снова стало тихо. Отец внимательно слушал, не вмешиваясь. Карим ухмылялся.

Кира медленно поставила бокал на стол. Стекло звякнуло.

Она посмотрела на Регину с выражением легкой скуки.

— Стабильность и статус — это прекрасно, Регина. Но иногда мужчине хочется не просто статусную вазу в гостиной, с которой нужно сдувать пылинки. Иногда ему хочется огня. Жизни. Драйва. Того, чего нельзя купить за деньги вашего папы.

Она сделала паузу, и ее взгляд скользнул по Кариму, а потом вернулся к Регине.

— Дамир выбрал меня не потому, что я удобная. А потому, что со мной он чувствует себя живым. А с тобой... — она наклонила голову набок, и ее серьги хищно блеснули, — с тобой он чувствовал себя просто функцией. Смотри не на нас, а на своего мужа. Думаю так будет правильно.

Лицо Регины пошло пятнами. Карим перестал ухмыляться. Отец крикнул, скрывая не то возмущение, не то... одобрение?

— Браво, — вдруг сказал Ильдар, который сидел в конце стола и до этого молчал. — Тост! За то, чтобы чувствовать себя живыми!

Ситуация разрядилась, но напряжение осталось.

Я чувствовал, как рука Киры под столом нашла мое коле-

но и сжала его. Это была не ласка. Это была просьба о поддержке. Я чувствовал, как она напряжена, несмотря на весь свой бравадный вид.

— Ты молодец, — шепнул я ей, когда звон бокалов заглушил разговоры.

— У меня сахар падает, — прошипела она в ответ, улыбаясь гостям лучезарной улыбкой. — Если сейчас не принесут горячее, я съем твою руку. Или руку того жирного мужика.

— Терпи, хищница. Горячее уже несут.

В этот момент я поймал взгляд Регины. Она смотрела на нас. На то, как я наклоняюсь к Кире, как моя рука все еще лежит на ее спине, как мы перешептываемся.

В ее глазах была боль. Настоящая, жгучая, женская обида. Она поверила. Она поверила в каждое слово Киры про «огонь» и «драйв». Потому что знала: с Каримом у нее этого нет. С Каримом у нее есть только контракты, демпинг и скучные вечера.

Мой план работал.

Но почему-то вместо триумфа я чувствовал только желание увезти Киру отсюда. Завернуть ее в свой пиджак, спрятать от липких взглядов, от яда Регины, от этой фальшивой ярмарки тщеславия. Увезти домой, заставить надеть то нелепое худи, накормить нормальной едой и просто...

Стоп.

Я одернул себя.

Это сделка, Дамир. Просто сделка. Пять миллионов. Год.

Не увлекайся.

Но когда Кира, получив, наконец, тарелку с уткой, посмотрела на нее с таким неподдельным, искренним счастьем, какого не было ни у кого за этим столом, я понял, что у меня проблемы.

Большие проблемы.

Глава 12

Кира

Утка была божественной.

Я ела медленно, маленькими кусочками, стараясь не выдать того факта, что готова была проглотить птицу целиком вместе с костями и тарелкой. Сахар поднимался, дрожь в руках унималась, а мир вокруг переставал вибрировать и обретал четкость.

Вместе с ясностью сознания вернулось и осознание сюрреализма происходящего.

Я сидела в центре Москвы, в платье стоимостью как поддержанная иномарка, с голой спиной, которую собственнически поглаживал один из самых богатых холостяков города. Напротив меня сидела женщина, которая ненавидела меня всей душой, и мужчина, который смотрел на меня так, будто прикидывал, как я буду смотреться в его постели.

Карим.

Брат Дамира был красив той приторной, слащавой красотой, которая нравится девочкам-подросткам. Мягкие черты лица, бархатный голос, улыбка чеширского кота. Но глаза у него были холодные и пустые.

— Кира, — он снова подал голос, игнорируя мрачный взгляд Дамира. — Вы так увлекательно рассказывали про искусство. А что вы думаете о семейных ценностях? Дамир

у нас волк-одиночка, он привык жить работой. Не бойтесь, что вам станет скучно в его бетонной башне?

Я промокнула губы салфеткой. Дамир напрягся рядом со мной, его пальцы на моей спине замерли. Он ждал подвоха.

— Скука — это удел тех, у кого нет фантазии, Карим Рустамович, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Дамир строит империю. Наблюдать за этим, быть частью этого — захватывающе. А вот жить с мужчиной, который всего лишь наследует готовое... Вот где настоящая тоска.

Карим дернулся, словно от пощечины. Регина рядом с ним резко выдохнула.

— Остро, — вдруг прогудел во главе стола Рустам Ильич. Все замерли. Отец Дамира, который весь ужин молчал, наблюдая за нами как старый лев из засады, отложил вилку. Он смотрел на меня. Тяжелый, давящий взгляд, от которого хотелось спрятаться под стол.

— Подойди ко мне, девочка, — скомандовал он.

Дамир начал подниматься вместе со мной.

— Сиди, — отрезал отец, не глядя на сына. — Я хочу поговорить с твоей невестой. Или ты боишься, что она без твоей подсказки двух слов не свяжет?

— Я ничего не боюсь, отец.

— Тогда сиди.

Я коснулась плеча Дамира, успокаивая его.

— Все нормально, — шепнула я. — Я не кусаюсь. Если не провоцировать.

Я встала. Платье тяжелым жидким металлом стекло по ногам. Спина, лишившаяся теплой руки Дамира, мгновенно покрылась мурашками от кондиционеров, но я расправила плечи и прошла к главе стола.

Встала рядом с его стулом. Рустам Ильич был ниже Дамира, но в ширине плеч и мощи не уступал. Он пах дорогим табаком и властью.

— Дай руку, — сказал он.

Я протянула ладонь. Он взял мою кисть в свою огромную, мозолистую лапу. Перевернул ладонью вверх, рассматривая линии, потом посмотрел на мои пальцы. Без маникюра, с коротко остриженными ногтями (дизайнеру длинные ногти только мешают), без колец.

— Рабочие руки, — констатировал он неожиданно мягко. — Не белоручка. Это хорошо. Регина вот даже чайник поднять боится, чтобы ноготь не сломать.

Я услышала возмущенный вздох со стороны невестки, но промолчала.

— Глаза у тебя наглые, — продолжил отец, поднимая взгляд на мое лицо. — И язык острый. В нашей семье женщины обычно тише.

— Тихие женщины не вдохновляют мужчин на подвиги, Рустам Ильич, — ответила я спокойно, хотя сердце колотилось где-то в горле. — Они создают уют, но не драйв. А вашему сыну нужен вызов.

Старик прищурился. В его темных глазах на секунду

мелькнула искра уважения.

— Вызов... — хмыкнул он. — Возможно. Дамир упрямый. Ему нужна та, кто не прогнется. Ты выглядишь хрупкой, как тростинка. Ветром сдует. Но стоишь твердо.

Он отпустил мою руку и потянулся к своему бокалу.

— Приводи ее в следующую субботу в дом, — громко сказал он, обращаясь уже к Дамиру. — Мать плов приготовит. Поговорим о свадьбе. Нечего тянуть. Раз уж вы такие... современные и быстрые.

Зал выдохнул. Это было благословение. Своеобразное, грубое, но благословение.

Дамир встал, подошел ко мне и снова по-хозяйски обнял за талию.

— Мы придем, отец.

Мы ехали домой в тишине.

Напряжение, которое держало меня весь вечер, начало отпускать, сменяясь дикой, свинцовой усталостью. Адреналин схлынул, оставив после себя пустоту и ноющую боль в ногах. Туфли-лодочки были прекрасны, но созданы они были явно инквизиторами.

Я снова куталась в пиджак Дамира, прислонившись лбом к прохладному стеклу. Москва мелькала за окном разноцветными огнями, но мне было все равно. Я мечтала только снять это платье, смыть "лицо дорогой стервы" и упасть лицом в подушку.

— Ты как? — голос Дамира нарушил тишину.

— Жить буду, — пробормотала я. — Но если твой отец еще раз посмотрит на меня как на лошадь, которой проверяют зубы, я попрошу двойной оклад.

Дамир тихо рассмеялся.

— Он так проявляет симпатию. Поверь, Регину он в первый раз довел до слез вопросом о том, умеет ли она готовить эчпочмаки.

— И как, умеет?

— Она заказала доставку из ресторана и переложила на тарелку. Отец раскусил ее за секунду. Он ненавидит ложь.

Я повернула голову и посмотрела на его профиль. В свете уличных фонарей он казался резким, хищным, но уже не таким пугающим, как раньше.

— А мы ему лжем, — заметила я тихо. — Про "искусство-веда", про любовь, про свадьбу. Если он ненавидит ложь, что он сделает, когда узнает правду?

Дамир сжал руль. Улыбка исчезла.

— Он не узнает. Мы отыграем этот год так, что поверит даже Станиславский. А потом... потом будет уже неважно.

— Тебе не жаль? — вырвалось у меня. — Он, кажется, действительно хочет внуков. И чтобы ты был счастлив.

— Ему плевать на мое счастье, Кира. Ему нужно закрыть гештальт и передать империю в "надежные руки". Не романтизируй его. Это бизнес. Просто бизнес.

Он говорил жестко, но я чувствовала в его голосе горечь.

Этот железный человек был таким же одиноким и раненым, как и я. Просто его броня стоила миллионы, а моя — состояла из сарказма и китайского инсулина.

Машина въехала на парковку.

В пентхаусе было темно и тихо.

Я сбросила туфли прямо у порога, застонав от наслаждения, когда босые ступни коснулись прохладного паркета.

— Воды? — спросил Дамир, направляясь к кухне.

— Вина, — выдохнула я. — Красного. Сухого. Иначе я не усну.

Он вернулся через минуту с двумя бокалами. Я стояла у панорамного окна, глядя на город, который лежал у наших ног. В стекле отражалась моя фигура в серебряном платье. Красивая. Чужая.

— Держи, — он протянул бокал.

Я сделала глоток. Терпкое вино немного притупило усталость.

— Спасибо, — сказала я, не оборачиваясь. — За то, что защитил от того жирного нефтяника. И за то, что подыграл с отцом. Мы сегодня были... неплохой командой.

— Ты была великолепна, — его голос прозвучал совсем близко, прямо за моей спиной. — Я не ожидал. Правда. Ты уделала Регину так изящно, что она даже не поняла, как оказалась в нокауте.

Я усмехнулась, чувствуя его присутствие кожей. Он стоял

близко. Слишком близко.

— Это входит в прайс, босс.

— Перестань, — он поставил свой бокал на подоконник.

— Перестань называть меня боссом.

Он протянул руку и коснулся моих волос. Едва ощутимо, кончиками пальцев провел по идеально гладкой пряди.

— Тебе идет этот цвет. И это платье. Хотя я все еще считаю его опасным.

— Почему? — я повернулась к нему.

Наши лица оказались на одном уровне. Он был без пиджака, в белоснежной рубашке с расстегнутым воротом. В его глазах отражались огни города и... я.

— Потому что оно заставляет мужчин терять голову, — тихо произнес он. Его взгляд скользнул по моим губам, потом опустился ниже, к шее. — И забывать о приличиях.

Воздух между нами сгустился. Я чувствовала его тепло, запах его парфюма. Мое сердце, которое только успокоилось, снова начало набирать разгон, но уже от стаха. Что он творит?

— Дамир, — прошептала я, когда его рука скользнула с волос на мою шею, большим пальцем поглаживая пульс.

— М?

— Мне нужно снять платье.

Он замер. Его зрачки расширились.

— Сама не справишься?

— Там молния... Потайная.

Это была правда.

Дамир медленно выдохнул. Убрал руку с моей шеи, но не отступил.

— Повернись.

Я развернулась к окну, подставляя ему спину. Открытую, незащищенную спину.

Почувствовала прикосновение его холодных пальцев к позвоночнику. Он не спешил искать замок. Он просто провел рукой вниз, повторяя тот жест, что делал в ресторане, но теперь здесь не было зрителей. Какого черта?

— У тебя кожа горит.

— Серьезно?

Он нашел "собачку" молнию сбоку (платье застегивалось снизу вверх и сверху вниз, сложная конструкция). Медленно потянул вниз.

Ткань начала расходиться. Холодный воздух квартиры коснулся кожи, но там, где были его руки, оставался пожар.

Он расстегнул молнию до конца. Платье ослабло, готовое соскользнуть к ногам.

Дамир наклонился. Я почувствовала его дыхание на плече, а потом — легкое касание губ.

Вместо бабочек в животе у меня сработала пожарная сирена в голове. «Внимание! Клиент перебрал с "Шато де Пакет" и путает берега».

Я отреагировала так, как реагирую на скачок сахара — быстро и без сантиментов. Повернулась и уперлась ладонью

ему в грудь (твердую, зараза, как бетонная плита) и отпихнула его на расстояние вытянутой руки.

— Эу, полегче на поворотах, Шумахер! — мой голос был полон праведного возмущения и нулевого трепета. — Ты пьян.

Дамир замер, как будто я его ледяной водой окатила. Глаза расфокусированные, вид слегка пришибленный. Типичный корпоратив, стадия «я люблю этот коллектив», только мы вдвоем.

— Никогда так больше не делай, Тагиров, — добавила я, отряхивая невидимую пыль с плеча. — В моем контракте прописан вынос мозга твоим родственникам. Пункта «ублажать пьяного нанимателя» там нет. Даже за двойной оклад. Иди проспись, Ромео.

Он моргнул. Видимо, процессор в его голове перезагружался. Потом выпрямился, провел рукой по лицу.

— Иди спать, Кира, — буркнул он, глядя в пол. — Пока я не натворил глупостей, которые нарушат наш контракт.

— Вот и славно, — фыркнула я. — А то я уже начала вспоминать номер трудовой инспекции.

Я развернулась и почесала в свою комнату, придерживая это чертово платье, которое стоило как моя почка. «Богатые тоже плачут, а еще напиваются и лезут целоваться, — думала я, запирая дверь на замок (на всякий случай). — Никакого профессионализма».

Глава 13

Кира

Утро добрым не бывает, особенно когда ты просыпаешься и понимаешь, что проспала всё на свете, включая совесть.

9:15.

— Твою ж дивизию! — я подскочила с кровати.

Обычно «Великий Строитель» уезжает в восемь. Была надежда, что он уже свалил, и мне не придется наблюдать его похмельную физиономию и краснеть за вчерашний инцидент.

Я натянула джинсы (самые обычные, из масс-маркета, привет реальности), футболку с надписью «Not today» (очень символично) и собрала волосы в хвост. Образ «серая мышь обыкновенная, рабочая» готов.

Выползла на кухню, мечтая о кофе и невидимости.

Облом. Тагиров был там. Сидел за барной стойкой, свежий, как огурчик, в своей идеально выглаженной рубашке. Ноутбук открыт, лицо кирпичом. Никаких мешков под глазами, никакой головной боли. Ведьмак, не иначе.

— Доброе утро, — сказал он, не отрываясь от экрана. Тон — как у робота-автоответчика.

— Привет, — я бочком пробралась к кофемашине. — Извини, будильник устроил забастовку. Я думала, ты уже уехал вершить судьбы мира.

— Планы изменились, — он захлопнул ноут. — Отец звонил в семь утра. Он в таком восторге, что уже заказал цыган и медведей на нашу будущую свадьбу. Вся Москва гудит.

— Рада стараться, — я нажала кнопку «двойной эспрессо». — Счет за услуги психотерапевта для твоей родни пришлю в конце месяца.

Дамир наконец посмотрел на меня. Взгляд цепкий, холодный. Вчерашнего пьяного мачо как не бывало. Передо мной снова сидел босс.

— Насчет вчерашнего... — начал он.

— Проехали, — я махнула рукой, отпивая кофе. — Ты перебрал, я устала. Бывает. Считай, что это был тимбилдинг, который пошел не по плану. Пока ты держишь руки при себе, я не пишу заявление об уходе. Договорились?

Уголок его губ дернулся. Кажется, моя наглость его забавляла.

— Рационально. Мне нравится. Договорились. Этого не повторится.

— Чудно. Тогда ты в офис?

— Нет. Мы едем за кольцом.

Я чуть не поперхнулась.

— Зачем? У меня есть кольцо. Вон, бабушкино. Винтаж, сейчас модно.

— Это не винтаж, это «бедность», Кира. Для невесты Тагирова нужен булыжник, который будет видно из космоса. Собирайся. И сними эту футболку, мы едем в приличное ме-

сто.

Ювелирный бутик напоминал мавзолей: тихо, холодно и очень дорого. Нас встретил управляющий, который кланялся так низко, что я боялась, он стукнется лбом об пол.

На бархатных подносах лежали они — лучшие друзья девушек и кошмар любого человека, работающего руками.

— Посмотрите на этот желтый бриллиант! — ворковал продавец. — Пять карат!

— Ага, — скептически заметила я. — Если я таким случайно махну рукой, я кому-нибудь выбью глаз. Или пробью монитор.

Дамир закатил глаза.

— Кир, выбери что-нибудь, что не выглядит как орудие убийства, но стоит как крыло самолета.

— Как скажешь.

Я тыкнула пальцем в кольцо с квадратным изумрудом. Геометрично, строго и, главное, камень утоплен в оправу — не буду цепляться за колготки.

— Вот это. Зеленый — цвет денег и спокойствия. Мне как раз не хватает и того, и другого.

— Берем, — кивнул Дамир.

Он взял мою руку и нацепил кольцо на палец. Ощущение было такое, будто на меня надели ошейник с GPS-трекером. Красивый, платиновый, но ошейник.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я верну его тебе, когда

мы «разведемся»? — шепнула я, пока управляющий упаковывал сертификаты. — Я в таком в метро не поеду, мне палец отпилят.

— Ты не ездишь в метро, пока мы в браке, — отрезал он. — И нет. Оно твое.

Мы вышли на улицу. Солнце светило, птички пели, а моя свобода махала мне ручкой.

Вдруг Дамир резко затормозил и дернул меня за локоть.

— Улыбайся, — прошипел он сквозь зубы.

— Чего?

— На три часа. Папарацци в кустах. Работай, Кира! Отрабатывай свой гонорар!

Я скосила глаза. Реально, какой-то мужик с объективом размером с телескоп целился в нас из-за припаркованного «Гелендвагена».

— Ах, ты ж блин... — пробормотала я, но тут же натянула на лицо улыбку городской сумасшедшей. — Так пойдет, любимый?

Я положила руку (ту, что с новым булыжником) ему на грудь и начала демонстративно смахивать несуществующую пылинку.

— Не переигрывай, — процедил Дамир, улыбаясь своей фирменной улыбкой «акула бизнеса на отдыхе».

Он наклонился ко мне. Я напряглась, готовая двинуть ему коленом, если он снова полезет целоваться, но он лишь чмокнул меня в щеку. Сухо, быстро и абсолютно не роман-

тично.

— Молодец, — шепнул он мне в ухо. — А теперь живо в машину, пока я не начал смеяться от твоего выражения лица.

Я плюхнулась на сиденье, вытирая щеку.

— Ненавижу шоу-бизнес.

— Привыкай, дорогая. Это только начало. — он запнулся — Ты же понимаешь, что нам в конце концов придется целоваться. Без этого ни куда?

Я поперхнулась воздухом так, будто проглотила тот самый пятикаратный бриллиант.

— Чего? — переспросила я, надеясь, что это слуховая галлюцинация. — Целоваться? В губы? По-настоящему?

Дамир вырулил на проспект, сохраняя на лице выражение буддийского спокойствия.

— А ты как думала? Что мы на свадьбе будем «давать пять» после объявления нас мужем и женой? Или чокнемся локтями?

— Ну, есть же варианты! — я начала загибать пальцы. — Поцелуй в лоб — символ заботы. Поцелуй в руку — символ уважения. Воздушный поцелуй — символ того, что мы соблюдаем социальную дистанцию и не хотим обмениваться бактериями.

— Кира, — он вздохнул, как усталый родитель. — Мы продаем сказку. Страсть. Историю о том, как циничный миллиардер потерял голову от простой талантливой девушки. В этой истории люди не целуются в лоб, как покойников. Они

целуются в засос.

Меня передернуло.

— Фу. Слово-то какое — «взасос». Звучит как сантехническая процедура.

— Называй как хочешь. Французский поцелуй, слияние душ, обмен слюной. Суть одна: на свадьбе, когда скажут «Горько», тебе придется изобразить, что ты хочешь меня съесть, а не вызвать полицию.

Я отвернулась к окну, чувствуя, как уши начинают гореть. Проблема была не в том, что мне было противно. Проблема была в том, что после вчерашнего (и его горячего дыхания на моей шее) я боялась, что мне понравится. А это в контракт не входило. Влюбленный сотрудник — плохой сотрудник.

— Ладно, — процедила я. — Но давай сразу оговорим ТЗ. Техническое задание на поцелуй.

Дамир хмыкнул. Кажется, он едва сдерживал смех.

— Я слушаю.

— Первое: никаких языков. Мы не у лора на осмотре. Второе: руки держим выше талии. Третье: перед «актом» обязателен «Орбит» или мятный спрей. Если ты поешь чесночный соус или сыр с плесенью — сделка отменяется, и я падаю в обморок прямо у алтаря. Скажу, что сахар упал.

— Принято, — кивнул он серьезно, хотя в глазах плясали черти. — Мятный спрей, руки на талии, язык за зубами. Еще требования? Может, мне справку от стоматолога принести?

— Не помешало бы, — буркнула я. — И длительность. Не

больше пяти секунд.

— Десяти. Камерам нужно успеть сфокусироваться.

— Семь. И это мое последнее слово.

— Восемь. И я куплю тебе тот графический планшет, на который ты вчера пускала слюни в интернете. Я видел историю браузера.

Вот же манипулятор!

— Восемь секунд, но планшет — топовой комплектации.

— Договорились.

Мы остановились на светофоре. Дамир барабанил пальцами по рулю, на его безымянном пальце не было кольца (мужчинам проще), а вот мое изумрудное «ярмо» сверкало на солнце, напоминая о том, что я продалась. За деньги, за лечение и, видимо, за графический планшет.

— Знаешь, Тагиров, — задумчиво сказала я. — Ты страшный человек. Ты даже романтику превращаешь в бизнес-сделку.

— Это не романтика, Кира. Это управление рисками. И кстати...

Он повернул голову и посмотрел на мои губы. Взгляд был таким плотным, почти осязаемым, что я инстинктивно вжалась в сиденье.

— Что? — пискнула я, теряя боевой настрой.

— Купи себе помаду постойче. Не хочу выглядеть как клоун, размазавший твой грим по всему лицу. Имидж, сама понимаешь.

Загорелся зеленый. Машина рванула с места, вдавив меня в кресло.

— Ненавижу тебя, — констатировала я без злости.

— Взаимно, дорогая. Взаимно.

Впереди был офис, куча работы и подготовка к свадьбе века, на которой мне предстояло целовать своего босса за восемь секунд до получения нового гаджета.

Жизнь — удивительная штука. Если не воспринимать её всерьез.

Глава 14

Дамир

Я ее убью. Честное слово, придушу своими руками. И никакие смягчающие обстоятельства, вроде ее диабета или голубых глаз, меня не остановят.

Прошло два дня с того момента, как мы купили это чертовое кольцо. Два дня относительного спокойствия. Я почти расслабился. Я решил, что Ветрова смирилась, приняла правила игры и превратилась в послушный актив.

Идиот.

Я сидел в своем кабинете, просматривая отчеты по тендеру, когда тишину нарушило странное хрюканье.

Поднял голову. Ильдар, сидевший на диване с планшетом, трясся от беззвучного смеха. Он зажимал рот рукой, но слезы уже текли по его щекам.

— Тебе плохо? — холодно поинтересовался я. — Вызвать санитаров?

— Нет, брат... — простонал он, вытирая глаза. — Мне хорошо. Мне очень хорошо. А вот тебе сейчас будет плохо. Ты видел, что твоя благоверная выложила в соцсети?

Я напрягся.

— У меня нет времени следить за сторис, Ильдар. Что там? Фото кольца? Свадебного платья?

— О, если бы, — Ильдар встал и положил планшет передо

мной на стол. — Смотри. Она отметила тебя. И, кажется, половину светской Москвы.

Я опустил взгляд на экран.

На фото была ее рука. Тонкая, изящная, с тем самым изумрудным «булыжником», который мы купили. Но фокус был не на кольцо. Фокус был на заднем плане.

Там, в расфокусе, но абсолютно узнаваемый, сидел я за рулем. Момент был пойман идеально: я орал на кого-то по громкой связи, лицо перекошено от гнева, брови сведены к переносице, рот открыт в немом крике. Я выглядел как маньяк, который везет жертву в лес, чтобы расчленить.

Но добило меня не фото. Добила меня подпись.

«Мой "сладкий" папочка везет меня в светлое будущее (или в багажник, я пока не решила). Купил колечко, чтобы я не махала руками, когда он включает режим "Гитлер". Люблю его, не могу. P.S. Сказал, что поцелует меня только после справки от стоматолога и обработки хлоргексидином. Романтика 80 уровня. #loveis #мойТиран #ИзумрудноеРабство #ТагировУлыбнись»

И ниже — опрос для подписчиков: «Как думаете, он сейчас орет на партнеров или просто увидел цены на бензин? Варианты: А) Партнеры. Б) Бензин. В) У него просто такое лицо по жизни».

Я почувствовал, как кровь отливает от лица, а потом с удвоенной силой ударяет в голову.

— Две тысячи лайков за десять минут, — прокомменти-

ровал Ильдар, с опаской отодвигаясь от стола. — Комментарии — огонь. Люди пишут, что ты "хот", но "кринж".

— Она назвала меня Гитлером? — тихо спросил я, медленно поднимаясь из кресла.

— Ну, в кавычках же... И "сладким папочкой", — заметил Ильдар. — Дамир, расслабься, это смешно. Это живой контент! Твой рейтинг цитируемости сейчас взлетит до небес. Ты стал... человечным.

— Я стал посмешищем! — рывкнул я, хватая пиджак. — "Хлоргексидин"? Она вынесла наши личные разговоры на публику! Она издевается над моим авторитетом!

Вылетел из кабинета, на ходу набирая номер охраны, чтобы подогнали машину.

До дома я долетел за пятнадцать минут, чудом не собрав все камеры города.

Влетел в квартиру как ураган.

— Ветрова!

Тишина.

Я прошел в гостиную. Она была там. Лежала на диване животом вниз, болтая ногами в воздухе, и что-то усердно строчила в телефоне. На ней были наушники, она пританцовывала головой в такт музыке и выглядела абсолютно, возмутительно спокойной.

Я подошел и выдернул один наушник из ее уха.

Кира вздрогнула и перевернулась на спину, прижимая те-

лефон к груди.

— Ты чего подкрадываешься? — возмутилась она, глядя на меня снизу вверх своими огромными невинными глазами.

— У меня сердце слабое.

— У тебя совесть слабая, — отрезал я, нависая над ней.

— Удали.

— Что?

— Пост. Немедленно.

Она села, поправляя растрепавшиеся волосы. На лице появилась та самая хищная ухмылка.

— А, ты про это... Ты видел? Правда, мило получилось? Я выбрала лучший фильтр, чтобы твой гнев выглядел более... кинематографично.

— Кира, ты выставила меня идиотом, — я говорил тихо, но чеканил каждое слово. — Ты написала про справку от стоматолога. Ты назвала меня тираном. Это видят мои партнеры, мои конкуренты, мой отец!

— Твой отец, кстати, лайкнул, — невозмутимо сообщила она. — С фейкового аккаунта, но я-то знаю, что это он. Там ник "Stroitel_Imperii_55".

Я задохнулся от возмущения. Но Кира не дала мне вставить слово.

— Дамир, очнись! — она вскочила с дивана, и теперь мы стояли друг напротив друга. Она была мне по плечо, но горора в ней было на трехметрового великана. — Твоя репутация — это скучный сухарь в костюме! Я добавила тебе жиз-

ни! Люди любят самоиронию. Почитай комменты. Там все пишут: "Ого, у Тагирова есть чувство юмора, раз он позволяет такое постить". Они думают, что ты крутой, раз не боишься быть смешным!

— Я не давал согласия быть смешным! Я плачу тебе за образ любящей невесты, а не стендап-комика!

— Любящая невеста может подшучивать над женихом! Это значит, что у нас здоровые отношения, а не контрактное рабство! Хотя хэштег я добавила хороший, согласишься? #ИзумрудноеРабство?

— Ты ходишь по очень тонкому льду, Ветрова, — я сделал шаг к ней, загоняя ее в угол между диваном и креслом.

— А ты слишком серьезный, Тафиров! — она не отступила. Она ткнула пальцем мне в грудь. — Тебе палку из одного места вынуть надо, может, тогда дышать легче станет! Ты прилетел сюда через весь город из-за одной фотки? Seriously? У тебя миллиардные контракты горят, а ты ведешься на провокацию студентки?

Я замер.

Ее слова ударили в цель сильнее, чем она рассчитывала.

Я стоял посреди своей гостиной, сжимая кулаки, тяжело дышал и смотрел на нее. На эту мелкую, взъерошенную девчонку в растянутой футболке, которая с вызовом смотрела на меня своими огромными голубыми глазами.

И тут меня накрыло осознанием.

Мне тридцать лет. Я управляю компанией с оборотом в

сотни миллионов. Меня боятся конкуренты, уважают министры, а мой голос на совете директоров заставляет людей замолкать.

И вот я стою здесь. И ору.

Я ору на двадцатилетнюю пигалицу из-за картинки в интернете. Дуюсь, как обиженный подросток, у которого отобрали приставку.

Бросил все дела, сорвал встречу, примчался через весь город с пеной у рта, просто потому что она подколола меня в подписи под фото.

— Господи... — выдохнул я, проводя рукой по лицу. Злость вдруг сменилась каким-то странным чувством стыда и удивления.

Что со мной происходит? Я же железный. Я же кремень. Почему рядом с ней я превращаюсь в неуравновешенного истерика?

Она ведь права. По сути, права. Мне тридцатник, а я ведусь на провокации вчерашней школьницы.

Кира все еще стояла в оборонительной позе, но, заметив перемену в моем лице, чуть расслабилась.

— Что? — настороженно спросила она. — Придумываешь новый вид казни?

Я посмотрел на нее.

— Нет, — глухо ответил я. — Просто... пытаюсь понять, когда я превратился в старого ворчливого деда.

Она моргнула.

— Ну, ты не старый, — великодушно заметила она. — Просто душный. Немного.

— Немного? — я хмыкнул, чувствуя, как абсурдность ситуации начинает меня забавлять. — Я приехал сюда, чтобы заставить тебя удалить фото с угрозой отключить интернет. Это не «немного душный», Кира. Это клиника.

— Клиника, говоришь? — Кира расплылась в довольной улыбке, в которой не было ни капли раскаяния. — Ну, слава богу. Осознание проблемы — первый шаг к выздоровлению, дедуля. Может, тебе еще плед принести? И кефирчик на ночь? Чтобы не так сильно переживал из-за лайков в интернете?

Я закатил глаза, чувствуя, как уголки губ предательски ползут вверх.

— Не паясничай, Ветрова. Я серьезно. Мне нужно поддерживать авторитет.

— Авторитет? — она фыркнула, снова плюхаясь на диван и закидывая ноги на спинку. — Дамир, ты сейчас похож на школьного завуча, которого ученики застукали курящим за гаражами. Ты пытаешься быть страшным, а выглядишь... растерянным. И это, кстати, тебе идет.

Она вдруг резко подняла телефон.

— О, замри! Вот это лицо! Вот этот взгляд «побитой собаки», которая поняла, что тапки грызть было нельзя. Это шедевр!

Вспышка ослепила меня на долю секунды.

— Кира! — рывкнул я, инстинктивно закрываясь ладонью. — Не смей!

— Поздно! — она победно потрясла телефоном. — Уже в галерее. Подпишу: «Момент истины. Император спустился с небес и просит прощения за свое занудство».

— Я не просил прощения! — я шагнул к ней, протягивая руку. — Отдай телефон. Живо.

— Ага, разбежался! — она ловко увернулась, скатываясь с дивана на пол, как ящерица. — Это мой контент! Моя интеллектуальная собственность!

— Кира, я не шучу. Удали это немедленно, или я...

— Или что? — она вскочила на ноги, отбегая за кресло. Глаза горели азартом. — Отключишь мне воду? Лишишь сладкого? Дамир, ты скучный, когда пытаешься командовать в домашней обстановке. Попробуй отобрать!

Во мне проснулся охотничий инстинкт. К черту переговоры. Я бросился к ней, перепрыгивая через журнальный столик. Кира взвизгнула, метнулась в сторону, но я оказался быстрее.

Я поймал ее за запястье в тот момент, когда она пыталась перелезть через спинку дивана, чтобы сбежать в коридор.

— Попалась, — выдохнул я, дергая ее на себя.

— Нечестно! У тебя ноги длиннее! — она попыталась вырваться, свободной рукой пряча телефон за спину. — Пусти!

— Телефон, Ветрова.

— Нет!

Она дернулась всем телом, пытаясь лягнуть меня свободной ногой. Я перехватил ее за талию, чтобы усмирить, но инерция сыграла злую шутку. Мы оба потеряли равновесие. Мир перевернулся.

С глухим звуком мы рухнули на мягкие подушки дивана. Я оказался сверху. Мое колено вжалось в обивку между ее ног, руки упирались по обе стороны от ее головы, блокируя пути к отступлению. Кира лежала подо мной, вжатая в диван весом моего тела. Ее волосы разметались по темной коже, футболка задралась, открывая полоску бледного живота.

Телефон выпал из ее руки и скользнул куда-то на пол, но сейчас мне было плевать на телефон.

Повисла тишина.

Только наше тяжелое, сбитое дыхание.

Она замерла. Ее глаза, огромные и потемневшие, смотрели на меня с испугом, смешанным с чем-то еще. С тем самым электричеством, которое я почувствовал тогда у окна.

Мы были близко. Непозволительно близко. Я чувствовал, как ее грудь вздымается под тонкой тканью футболки, касаясь моей рубашки. Я чувствовал запах ее шампуня — что-то фруктовое, свежее — и тепло ее тела.

Злость ушла. Азарт погони исчез. Вместо этого внизу живота скрутился тугой, горячий узел.

Я перевел взгляд с ее глаз на губы. Они были приоткрыты, влажные, чуть припухшие. Никакой темной помады, никаких уловок. Просто Кира. Настоящая, живая, теплая.

— Доигралась? — прошептал я хрипло. Мой голос звучал чужим.

— Дамир... — выдохнула она.

Я медленно начал наклоняться. Сантиметр за сантиметром. Разум кричал: «Остановись, идиот, это нарушение контракта!». Но тело, которое слишком долго жило на сухом пайке из работы и холодных расчетов, посылало разум к черту.

Я хотел ее поцеловать. Не для камер. Не за восемь секунд. А так, чтобы она забыла, как ее зовут. Чтобы выбить из нее эту наглость и услышать, как ее сарказм превращается в стон.

Мои губы почти коснулись ее губ. Я уже чувствовал ее дыхание на своей коже...

Вдруг холодная ладонь уперлась мне в лицо, закрывая рот.

Я замер, уткнувшись носом в ее пальцы.

— Стопэ, Ромео, — раздался ее голос. Он дрожал, но в нем снова звенели насмешливые нотки.

Я открыл глаза. Кира смотрела на меня, слегка приподняв бровь, хотя щеки ее пылали.

— Ты зубы не чистил, — заявила она. — Кофе пил. А мятного спрея я поблизости не вижу. Контракт, помнишь?

Я моргнул, возвращаясь в реальность.

Она смеялась надо мной. Даже сейчас, прижатая моим телом, она умудрялась контролировать ситуацию.

Я перехватил ее руку, убирая ладонь от своего рта, но не

отпуская.

— Ты меня бесишь — выдохнул ей в губы.

— Знаю. Слезь с меня, Тагиров. Ты тяжелый. И у тебя телефон в кармане вибрирует. Вдруг что то важное?

Я резко отстранился, вставая с дивана. Поправил рубашку, чувствуя, как сердце все еще колотится о ребра.

Кира села, поправляя футболку и подбирая свой телефон с пола.

— Кстати, фото я удалила, — сказала она буднично, как будто ничего не произошло.

Я посмотрел на нее с недоверием.

— Когда?

— Пока мы летели на диван. Я успела нажать «отмена публикации» еще в полете. Я же говорила: ловкость рук.

— Тогда зачем ты устроила этот цирк? — я провел рукой по волосам.

Она посмотрела на меня, и в ее взгляде мелькнуло что-то серьезное.

— Чтобы ты выдохнул, Дамир. Ты был похож на чайник со свистком. Иногда полезно просто... попадать на диван.

Она встала и пошла к выходу из комнаты, но у двери остановилась и обернулась через плечо:

— Но в следующий раз, если захочешь нарушить дистанцию, начни с цветов. Или хотя бы с ужина. А то набросился, как голодный медведь. Не по-джентльменски.

И скрылась в коридоре.

Я остался стоять посреди гостиной, глядя на пустой дверной проем. В кармане действительно вибрировал телефон.

Это был Ильдар.

— Ну что? — спросил он весело. — Убил ее? Или простил?

Я подошел к окну, глядя на город. На губах все еще горел фантомный след ее дыхания.

— Хуже, Ильдар. Кажется, я начинаю привыкать к этому дурдому.

Глава 15

Кира

Из зеркала на меня смотрела не я.

На меня смотрела фарфоровая кукла. Дорогая, коллекционная, которую страшно трогать руками, чтобы не оставить жирных пятен на идеальной полировке.

Платье было белым. Не «шампань», не «айвори», а слепяще-белым, как снег на вершине Эвереста, где нет кислорода и выживают только безумцы. Никаких кружев, никаких пышных юбок, в которых можно спрятать контрабанду или пару сменной обуви. Гладкий, тяжелый шелк стекал по телу, облепляя каждый сантиметр. Высокий воротник-стойка, длинные рукава, закрытая спина.

После того «голового» серебряного платья это выглядело как монашеская ряса. Но только на первый взгляд. Потому что крой был таким, что при малейшем движении ткань натягивалась на груди и бедрах так откровенно, что хотелось прикрыться руками.

— Идеально, — вынес вердикт стилист, поправляя мне фату. — Вы выглядите как невинность, которая знает себе цену.

— Я выгляжу как жертва, которую упаковали в подарочную бумагу, — пробормотала я, разглядывая свое отражение.

Всё пошло не по плану. Снова.

Мы должны были тихо расписаться в ЗАГСе в двенадцать, сделать пару фото для прессы и поехать на обед к родителям. Но вчера вечером позвонил Рустам Ильич.

Отец Дамира «прознал».

Не знаю, кто ему настучал — может, крыса-Регина, может, его собственные шпионы в ЗАГСе, — но он узнал, что мы планируем «скромную» роспись. И его это взбесило.

«Никаких ЗАГСов, — проревел он в трубку так, что я слышала это даже не на громкой связи. — Тагировы не желятся в казенных коридорах, как нищие студенты. Церемония будет у меня в имении. Завтра. Я все организовал. Только свои. Семья, партнеры, близкий круг. Никакой прессы. Я хочу посмотреть в глаза этой девочке, когда она будет давать клятву перед Аллахом и перед нами».

И вот мы здесь.

Загородная резиденция Тагировых. Огромный особняк, больше похожий на дворец какого-нибудь графа, который грабил крестьян три поколения подряд.

Я проверила сумочку. Глюкометр, инсулин, пара конфет. Сахар 6.0. Нервы на пределе, но пока держусь.

Дверь комнаты, которую мне выделили для сборов («Комната невесты», как пафосно назвал её дворецкий), открылась.

Вошел Дамир.

У меня перехватило дыхание. И дело было не в корсете.

Смокинг. Черный, идеально сидящий смокинг с атласными лацканами. Белоснежная рубашка, бабочка (которую он явно ненавидел, судя по тому, как дернулся кадык, когда он сглотнул). Волосы уложены, пахнет он так, что у меня подкосились колени — смесью дорогого парфюма, свежести и опасности.

Он замер на пороге, увидев меня. Его взгляд скользнул по шелку платья, задержался на бедрах, поднялся к глазам. В этом взгляде не было той насмешки, к которой я привыкла за последние дни. Там было что-то темное. Голодное.

— Ты... — он прочистил горло, закрывая за собой дверь.
— Ты выглядишь...

— Как монашка с секретом? — подсказала я, нервно теребя край фаты.

— Как женщина, ради которой можно начать войну, — закончил он, подходя ближе. — Отец будет доволен. Ты выглядишь скромно, но дорого.

— А ты выглядишь как Джеймс Бонд, который пришел украсть секретные коды, а заодно и невесту, — я попыталась улыбнуться, но губы дрожали. — Дамир, мне страшно. Там твой отец. Карим. Регина. И еще человек пятьдесят «близкого круга», которые смотрят на меня как на ошибку природы.

Он подошел вплотную и взял меня за руки. Его ладони были теплыми и сухими, в отличие от моих, ледяных.

— Посмотри на меня, Ветрова.

Я подняла глаза.

— Там нет судей. Там зрители. Мы с тобой — главные актеры. Ты помнишь наш договор?

— Восемь секунд, — выдохнула я. — Руки выше талии. Язык за зубами.

— Именно, — он усмехнулся, но как-то напряженно. — Спрей взяла?

— Я съела пачку мятных драже. Если ты меня поцелуешь, у тебя глаза заслезятся от ментола.

— Переживу.

Он сжал мои пальцы чуть сильнее.

— Ты не одна, Кира. Я рядом. Я держу тебя за руку. Если кто-то косо посмотрит — я замечу. Если тебе станет плохо — мы уйдем. Плевать на отца, плевать на церемонию. Ты поняла?

В его голосе звучала такая уверенность, такая стальная защита, что мне вдруг захотелось прижаться к нему и спрятаться в этом смокинге от всего мира. Но я одернула себя. Это роль. Он защищает свои инвестиции.

— Поняла, босс. Идем?

Он предложил мне локоть.

— Идем. Пора устроить шоу.

Мы шли по зеленой лужайке к арке, увитой белыми розами. Звучала живая музыка — струнный квартет пилил что-то классическое и заунывное.

Люди сидели на белых стульях, расставленных рядами. Я

чувствовала их взгляды кожей, даже через плотный шелк.

В первом ряду сидел Рустам Ильич. Он выглядел как падишах на троне. Рядом — мама Дамира, вытирающая слезы платочком. И они.

Карим сидел с выражением скупающего превосходства, но его глаза бегали. А Регина... О, Регина была в ударе. Она надела черное. На свадьбу. Черное кружевное платье, словно она пришла на мои похороны, а не на торжество.

Я встретила с ней взглядом и улыбнулась. Широко, счастливо, как полная дура, влюбленная до беспамятства.

Регина скривилась, будто укусила лимон.

Мы подошли к арке. Регистратор, женщина с голосом, пропитанным сиропом, начала свою речь про корабли любви, бороздящие просторы семейной жизни. Я слушала вполуха, стараясь не упасть в обморок от запаха лилий, которыми была украшена арка.

— ...согласны ли вы, Дамир Рустамович...

— Согласен, — его голос прозвучал твердо, как удар молотка судьи.

— ...согласны ли вы, Кира...

Я сделала паузу. Драматическую. Почувствовала, как рука Дамира напряглась в моей ладони. Он подумал, что я сбегу?

— Согласна, — выдохнула я, глядя ему в глаза. И добавила шепотом, чтобы слышал только он: — Отрабатываю планшет.

Уголки его глаз дрогнули в улыбке.

— Объявляю вас мужем и женой! — торжественно провозгласила тетка. — Можете поцеловать невесту!

Зал затих. Это был момент истины. Момент, ради которого все и затевалось. Фотографы (которых все-таки пустили, личного фотографа отца) подняли камеры. Регина подалась вперед, впившись в нас взглядом.

Дамир повернулся ко мне.

Он медленно поднял руки и обхватил мое лицо ладонями. Это не было «руки на талии». Это было интимно. Нежно.

— Восемь секунд, Ветрова, — одними губами произнес он.

И накрыл мои губы своими.

Я ожидала сухого, техничного касания. Ожидала актерской игры.

Но Дамир Тагиров не умел делать что-то наполовину.

Его губы были твердыми, настойчивыми и горячими. Он не просто коснулся меня — он присвоил. В первую же секунду я забыла про мятное драже, про контракт и про то, что вокруг люди.

Он чуть наклонил голову, углубляя поцелуй. Я ахнула, приоткрыв рот, и он тут же воспользовался этим, нарушая правило номер один. Его язык скользнул внутрь, дразняще, властно, встречаясь с моим.

Внутри меня взорвалась сверхновая.

Ноги стали ватными. Я инстинктивно вцепилась в лацканы его пиджака, чтобы не рухнуть. Мое тело предало меня,

потянувшись к нему, вжимаясь в его твердость. Шелк платья скользил по его смокингу, создавая электрический разряд.

Это не было притворством. Это была химия, чистая, дистиллированная, от которой сносит крышу.

Три секунды. Пять. Восемь. Десять...

Он не останавливался. Его пальцы запутались в моих волосах под фатой, оттягивая голову назад, открывая доступ. Он целовал меня так, будто мы были одни во вселенной, и я была единственным источником кислорода.

Где-то на периферии сознания я слышала свист и аплодисменты (кажется, это был Ильдар), но они звучали как сквозь толщу воды.

Когда Дамир наконец оторвался от меня, я хватала воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег. Мои губы горели. Щеки пылали.

Я посмотрела на него. Его глаза были черными, расширенными, дыхание сбитым.

— Это было... не восемь секунд, — просипела я, не узнавая свой голос.

— Увлёкся, — хрипло ответил он, и в его взгляде плясали черти. — Спишем на производственную необходимость.

Он повернулся к залу, обнимая меня за плечи железной хваткой, не давая упасть.

Я посмотрела на гостей.

Отец Дамира одобрительно кивал. Мама рыдала от умиления.

А Регина... Регина сидела бледная как смерть, сжав сумочку так, что побелели костяшки. В её глазах была не просто зависть. Там была боль. Она увидела то, что увидела я.

Это не было игрой. По крайней мере, в эти пятнадцать секунд.

— Ты мне должен не планшет, — прошептала я Дамиру, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — Ты мне должен нервную систему. Новую.

— Обсудим, жена, — усмехнулся он. — А теперь улыбайся. На нас смотрят.

Я растянула губы в улыбке, чувствуя вкус его поцелуя и страх. Потому что я поняла одну страшную вещь.

Мне понравилось.

И это было куда опаснее любого диабета.

Глава 16

Кира

Поздравления слились в один сплошной гул. Рукопожатия, фальшивые улыбки, пожелания «долгих лет» и «полного дома детей». Я стояла, вцепившись в локоть Дамира, и улыбалась так, что скулы сводило.

Рустам Ильич, сияющий как начищенный самовар, обнял меня так крепко, что у меня хрустнули ребра.

— Ну, дочка, добро пожаловать в семью, — прогудел он. — Характер у тебя есть, это я вижу. Дамиру такой и нужен. Чтобы не расслаблялся.

— Я прослежу, папа, — ответила я, невинно хлопая ресницами.

Дамир рядом напрягся, но промолчал.

Когда поток гостей схлынул и нас пригласили к столу в огромный шатер, раскинутый в саду, Дамир наклонился к моему уху.

— У тебя двадцать минут, чтобы переодеться. Свадебное платье — это для церемонии. Для банкета я подготовил тебе другой наряд. Он в комнате невесты.

— Надеюсь, там не паранджа? — шепнула я.

— Почти. Элегантный костюм от Шанель. Твидовый. Закрытый. Чтобы мой отец мог спокойно переваривать еду, не хватаясь за сердце при виде твоей спины. Иди. Я жду здесь.

Он легонько подтолкнул меня в сторону особняка.

Я шла по дорожке, чувствуя, как внутри снова просыпается бунтарский дух. Шанель? Твид? В плюс двадцать пять? На собственной (пусть и фиктивной) свадьбе?

Ну уж нет.

Я вошла в комнату, где висел приготовленный Дамиром наряд. Серый. Скучный. Добротный костюм для женщины лет сорока пяти, которая работает библиотекарем в сенате.

— Ну, Тагиров, — хмыкнула я, глядя на это уныние. — Ты сам просил шоу.

Я пнула пакет с логотипом Шанель под стол. Затем достала из своего рюкзака, который предусмотрительно прихватила из салона (пока Дамир распекал персонал), тот самый сверток, который я купила тайком.

Это было то, что я хотела. То, в чем я чувствовала себя собой — Индиго, Кирой, свободной птицей, а не куклой в золотой клетке.

Через пятнадцать минут я была готова.

Я распустила строгий пучок, позволив идеально гладким волосам рассыпаться по плечам. Подкрасила губы. И шагнула к двери.

Дамир стоял у входа в шатер, нервно проверяя время на часах. Он уже успел снять бабочку и расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки, но все равно выглядел как скала напряжения.

— Ну где она? — пробормотал он себе под нос. — Надеть костюм — это три минуты...

"Три минуты, ну не зануда?"

Я шагнула к нему и Дамир поднял голову.

Застыл.

В его глазах, привыкших к биржевым крахам и жестким переговорам, на секунду отразился чистый, неподдельный ужас.

Я шла к нему, чувствуя себя богиней весны.

На мне был костюм. Но не тот, который он ожидал.

Это был нежно-розовый, пудровый шелк. Сверху — кроп-топ на тонких бретелях, который заканчивался прямо под грудью, оставляя открытой полоску живота сантиметров в десять. Снизу — длинная, струящаяся юбка в пол. Но стоило мне сделать шаг, как высокий разрез, начинающийся от самого бедра, распахивался, демонстрируя ногу целиком.

Это было легко. Это было дерзко. Это было абсолютно не по протоколу консервативной татарской свадьбы.

Я подошла к нему, наслаждаясь тем, как меняется его лицо. От недоумения к шоку, а затем — к тихой панике.

— Ты... — выдохнул он, когда я остановилась перед ним. Его взгляд метался между моим голым животом и разрезом на юбке. — Что это?

— Это мой свадебный наряд, милый, — пропела я, поправляя бретельку. — Нравится? Розовый — цвет невинности и любви.

— Невинности?! — прошипел он, хватая меня за локоть и пытаясь заслонить собой от гостей, которые уже начали поворачивать головы. — Кира, это... это пляжный костюм! У тебя живот голый!

— Это кроп-топ, дедуля. Сейчас так модно.

— Модно?! Там сидит мулла! Там сидят старейшины! Ты понимаешь, что они сейчас решат, что я женился на танцовщице гоу-гоу?

— Ну, технически, они будут правы, — я улыбнулась ему самой лучезарной улыбкой. — Дамир, расслабься. Твид колелся бы. А мне нужно дышать. И танцевать.

— Ты не будешь танцевать в этом, — он огляделся по сторонам, ища глазами что-нибудь, чем можно меня накрыть. Скатерть, штору, чехол от танка. — Я сейчас принесу пиджак. Нет, два пиджака.

— Не смей, — я перехватила его руку. Мой голос стал серьезным. — Посмотри на Регину.

Дамир машинально глянул в сторону шатра. Регина стояла у входа с бокалом вина. Она увидела меня. Ее брови поползли на лоб, а рот приоткрылся. Она ожидала увидеть меня в скучном костюме, подавленную и «правильную». А увидела яркую, дерзкую девчонку, которой плевать на правила.

В ее взгляде снова мелькнула зависть. Жгучая зависть к моей свободе.

— Видишь? — шепнула я. — Она в своем черном трауре, а я — как розовый зефир. Мы же хотим, чтобы она лопнула?

Дамир посмотрел на меня. На мою полоску кожи на животе, на разрез, на сияющие глаза. Он провел рукой по лицу, издав стон обреченного человека.

— Я поседею с тобой раньше времени, Ветрова. Клянусь, поседею.

— Зато скучно не будет. Идем? Или ты так и будешь прятать меня за своей спиной?

— Если отец спросит, почему ты раздета, я скажу, что нас ограбили по дороге из спальни, — буркнул он.

Он решительно (и очень собственнически) положил ладонь на мою талию — прямо на голую кожу, от чего меня снова прошибло током, — и мы вошли в шатер.

Эффект был разорвавшейся бомбы.

Звон приборов стих. Музыка на секунду сбилась.

Рустам Ильич, который как раз поднимал тост, замер с рюмкой в руке. Его глаза, черные и тяжелые, уперлись в мой живот. Я инстинктивно втянула его, выпрямляя спину еще сильнее.

— О, Аллах, — выдохнула мама Дамира, прижимая руку к груди. — Ей же дует!

— Ей не дует, мама, у нее горячая кровь! — громко объявил Дамир, увлекая меня к столу и сжимая мою талию так, что останутся синяки. — Прошу любить и жаловать. Моя жена. В... летнем варианте.

— Очень... смело, — процедила Регина, когда мы проходили мимо. — Дамир, я не знала, что у тебя закончились

деньги на ткань.

Я остановилась. Дамир попытался потянуть меня дальше, но я уперлась каблуками.

— О, не переживай, Регина, — ответила я звонко, на весь зал. — Ткани было достаточно. Просто когда есть что показать — грех это прятать. А когда прячешься в глухой футляр... Наверное, есть что скрывать? Целлюлит? Или плохое настроение?

Кто-то из молодежи за дальним столом прыснул. Ильдар показал мне большой палец.

— Садись, — прошипел Дамир мне на ухо, усаживая на стул и быстро накидывая салфетку мне на колени, чтобы прикрыть разрез. — Ты ходишь по лезвию, Кира.

— Я танцую на пилоне, Дамир. Лезвие для меня — это слишком широкая опора.

Он сел рядом, залпом выпил бокал воды и посмотрел на меня взглядом, в котором ужас боролся с восхищением.

— Я тебя прибую.

— Знаю, — я подмигнула ему и потянулась за виноградом. — Но согласись, все смотрят только на нас.

— Они смотрят на твой пупок, Кира!

— Значит, у меня красивый пупок. Ешь плов, муж. Тебе понадобятся силы. Впереди еще танцы.

Дамир застонал и закрыл лицо рукой. Вечер только начинался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.